

Анатолий
Белоусов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Плерома

18+

Анатолий Белоусов

Плерома

«Автор»

2023

Белоусов А.

Плерома / А. Белоусов — «Автор», 2023

По жанру роман «Плерома» можно охарактеризовать как эзотерический боевик или мистический триллер. Захватывающий сюжет, интеллектуальные диалоги, тонкий юмор. Книга имеет структуру знаменитого «Криминального чтива» Квентина Тарантино, события в ней развиваются не линейно, а словно в калейдоскопе. Однако, заглянув в содержание, пытливый читатель без труда может раскрыть истинную структуру повествования и перечитать все произведение заново, уже расставляя главы в совершенно ином, правильном, порядке! В центре повествования оказываются два бандита из 90-х, которые выполняют некое задание своего босса, непрестанно при этом философствуя и дискутируя на самые разные темы (от бытовых, до возвышенных и метафизических). Главный герой пытается разобраться в себе: кто же он – винтик в огромном механизме социума или же, напротив, яркая и неповторимая личность, божественная индивидуальность, противостоящая тоталитарному общественному организму?..

© Белоусов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

>Enter	7
Syzygia – 3	10
Syzygia – 8	28
Syzygia – 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анатолий Белоусов Плерома

ПЛЕРОМА – (греч. *πλήρωμα* — полнота), термин ортодоксальной и особенно еретической христианской мистики, означающий множественное единство духовных сущностей, образующих вместе некоторую упорядоченную, внутренне завершенную «целостность». В более обычном словоупотреблении – церковь как всемирная община верующих, «мистическое тело», в котором множество членов образует жизненное единство.
«Философский словарь»

ПЛЕРОМА – (греч. «полнота»), гностический термин, принятый для обозначения божественного мира или Вселенской Души. Пространство, развернувшееся и разделившееся на ряд эонов, в которых до конца разворачивает себя верховная первосущность. Обитель невидимых богов. Имеет три ступени.
«Теософский словарь»

ПЛЕРОМА [греч. *pleroma* – полнота, обилие, множество] – бот. внутренний слой первичной ткани в вершечной зоне роста растений.
«Словарь иностранных слов»

>Enter

– Ну и как, – спросил Бахур, открывая глаза и распрямляясь, – впечатляет?

Мужчина, которого он только что напугал, продолжал с опаской таращиться на давно уже неподвижный стакан. Он окончательно пришел в себя, деловито сложил свою газету, убрал ее в дипломат и с мрачным видом направился к выходу. Бахур негромко рассмеялся.

– Я мог бы продемонстрировать ему что-нибудь еще помимо этого дурацкого фокуса, но, думаю, результат оказался бы тот же. Удивление...

Бахур разинул рот и захлопал глазами.

– Легкий испуг, затем несложное умозаключение и такой же несложный вывод: «приглюхилось»! Свят! Свят! Свят!..

Он трижды перекрестился, вперив в собеседника торжествующий взгляд.

– Да, фокус действительно дурацкий, – ответил Лайт после короткой паузы. – Я бы, по крайней мере, придумал что-нибудь пооригинальнее.

– Допустим. И что бы от этого изменилось?

– Может, и ничего, а может... Впрочем, не важно.

– Вот именно! Как ни крути, обезьяна остается обезьяной, даже если ее научат носить очки и курить табак.

Лайт ограничился презрительным: «Пф-ф!..»

В маленьком ресторанчике, где они сидели, сильно воняло жжеными ароматическими палочками. Кто и для чего портил в помещении воздух, было неясно. Однако, даже несмотря на это досадное неудобство, находиться здесь, в прохладном полумраке, когда на улице продолжала стоять изматывающая жара, было приятно. Кондиционеры работали вовсю. Негромко играла музыка. Все это действовало умиротворяюще.

Несколько минут Бахур молча поигрывал ложечкой в чашке с кофе. То, как отреагировал на его выходку этот мужик, не было для него ни неожиданностью, ни чем-то особенно интересным. Все произошло именно так, как он предполагал. Обыватели, они вообще народ предсказуемый. В какой-то мере он даже немного стыдился, что использовал в споре такой заведомо беспроигрышный аргумент. Впрочем, Лайт это должен понимать ничуть не хуже него, а значит, всё в порядке. Просто давно надо было подвести черту под этим затянувшимся, никуда не ведущим диспутом.

– Не знаю, как тебе, – сказал он, отложив ложечку и сделав несколько глотков из чашки, – но мне все это порядком надоело. Самое смешное, что тема нашего разговора нам обоим абсолютно не интересна. Ты говоришь одно, я совершенно противоположное. В ход идут самые изощренные доказательства, однако каждый упорно продолжает стоять на своем, и конца этому не видно. Ситуация безнадежна, тебе так не кажется?

Грустно улыбнувшись, Лайт покачал головой.

– Я с тобой не спору, – возразил он.

– Вот как?

– Я хочу обратить твоё внимание на то, чего ты упорно не желаешь замечать.

– Господи, перестань! Ты что, ничего не видел?

– Видел... что-то, – устало вздохнул Лайт. – Давай лучше немного помолчим.

Бахур одним глотком допил все, что оставалось в чашке, и замолчал, подперев щеку кулаком. «Сдаёт старик, – с легким разочарованием подумал он, глядя на продолжавшего улыбаться грустной улыбкой Лайта, – совсем сдаёт. Неужели он всерьёз вообразил, что сможет меня переубедить?.. Вздор! Ни за что не поверю...»

– Люди тупы и безмозглы, – твердо произнес он.

– Мы с тобой тоже люди.

– Хорошо, в основной своей массе люди тупы и безмозглы. Их жизнь ничем не отличается от... жизни насекомых. Социум, в котором они обитают, поглощает всю их индивидуальность без остатка.

– Без социума немыслима никакая индивидуальность.

– Самое досадное, – продолжал настаивать Бахур, – что даже те, кто способен вырваться за пределы Системы, кто при желании мог бы разрушить сложенные веками стереотипы и стать **свободным**, не делают этого, предпочитая оставаться в стаде.

Он подозвал официантку и заказал себе еще чашку кофе (третью за вечер), после чего продолжил:

– Ты только посмотри, как они живут.

– Как **мы** (!) живем, – попытался поправить Лайт.

– **Мы** живем иначе. А **они**...

Бахур не договорил. К их столику подошел грязный, заросший мужчина и принялся кланяться мелочью. Лайт полез было в карман, но в этот момент появилась уборщица, которая привычными отточенными движениями стала выталкивать пробравшегося в ресторан оборванца обратно на улицу. Некоторое время продолжалась возня, потом, словно из-под прилавка, выскочил заспанный охранник и назойливого посетителя вытолкали-таки вон. Довольная одержанной ею победой, уборщица гордо удалилась в темноту подсобных помещений. Охранник на всякий случай остался у входа.

– Бомж, наверное... – рассеянно констатировал Бахур.

Лайт отрицательно покачал головой, но в подробности вдаваться не стал.

– Ладно, на чем мы остановились? Ах да! На том, как **они** живут.

Он отхлебнул из принесенной ему чашечки, слегка обжегся и, почмокав, поставил чашку обратно на стол.

– Хотя то, как они живут, не так уж и важно. Куда важнее то, что они думают и чувствуют. У каждого из них имеется определенный круг проблем (социальных, бытовых... неважно!), в котором и сосредотачивается всё их существование. Это маленький островок, покинуть который они боятся больше всего на свете. Покажи им нечто, выходящее за рамки усвоенных ими представлений, и они в ужасе отмахнутся от этого, поспешив возвратиться в свою ойкумену.

Бахур живо изобразил выражение лица того мужика с газетой, когда стоявший перед ним стакан дешевой мадеры медленно поднялся в воздух и описал вокруг его головы несколько замысловатых петель.

– Ты думаешь, он попытался понять, что с ним произошло? Думаешь, это экстраординарное событие хоть немного разрушило скорлупку его жалкого мировосприятия? Да ничего подобного! Он уже давно забыл об этом. Выкинул досадное происшествие из головы и думает сейчас о жене, любовнице или событиях на Ближнем Востоке, про которые прочитал в своей паршивой газетенке. А если и вспомнит когда-нибудь в компании пьяных сослуживцев, то только с тем, чтобы рассказать, какой у него был однажды отвязный глюк. Всё! На большее **они** не способны.

Последнюю фразу Бахур особенно подчеркнул. Лайт упорно продолжал молчать. Казалось, он чего-то (...или кого-то?..) ждал.

Народу в зале было немного. В дальнем углу сидела молодая мамаша с двумя малолетними чадами. Мамаша вот уже минут десять сосредоточенно рылась в сумочке, а чада посасывали молочные коктейли, дико таращась на снующую между столами официантку. Возле окна расположился старичок. С виду вполне безобидный, но вызывавший у Бахура какую-то странную неприязнь. За столиком напротив уныло торчала девушка, как и все остальные, ничем особым не выделявшаяся.

– Э-эх, – вздохнул Бахур, отодвигая недопитую чашку, – скукота-то какая. Словно зимой в улье...

В этот миг в зал вошли двое парней. Лет двадцати семи – тридцати, прилично одетые, но с какими-то шальными физиономиями. «С пожара, что ли?..» – возникла у Бахура ассоциация. Парни перекинулись с охранником, продолжавшим торчать у дверей, коротким приветствием, уселись за столик возле ящика с пальмой и заказали бутылку коньяку.

При их появлении Лайт заметно оживился. Морщинки на его лице разгладились, глаза излучали радостный блеск. Всё это показалось Бахуру довольно странным, так как на него самого парни произвели скорее отрицательное впечатление. Ну-у... или не отрицательное, а как бы это сказать... Настораживающее, что ли?..

– Времени сколько? – спросил один из них, белобрысый и тощий.

– Двадцать два сорок, – отозвался другой, взглянув на запястье.

– Ну, давай, – вопрошавший поднял рюмку, – за Алёшку.

Выпили. Тут же налили по второй.

Бахур саркастически хмыкнул, задумчиво посмотрев на стоявшую перед ним чашечку. Вообще-то, от коньяка он и сам бы сейчас не отказался. Давненько не пил, даже соскучился. Сейчас бы, как в старые добрые, тяпнуть граммов двести...

– Этих двоих видишь? – поинтересовался Лайт.

– Не слепой. И что с того?

– Мужичонку с газетой ты выбрал сам. И выбрал не случайно. На такого олуха не только твои фокусы, сам Иисус Христос не смог бы произвести впечатления. Верно?

Вздыхнув, Бахур отвел взгляд в сторону.

– А теперь попробуй сотворить что-нибудь подобное вот с этими, – улыбнулся Лайт.

Он одними глазами указал на столик, за которым пили коньяк.

Бахур ненадолго растерялся. То, как повел себя Лайт, и то, чем казались ему самому эти парни, как-то не совсем состыковывалось. «Так, так, так... – подумал он, пытаясь проанализировать ситуацию. – И что же он такого особенного в них узрел? Ничего не понимаю...»

Парни, выпив по второй, о чем-то заспорили.

– Почему именно с этими? – осторожно поинтересовался Бахур.

– А разве тебе не все равно? – удивился Лайт. – Ты же говорил, что все люди без исключения...

– Ладно, – отмахнулся Бахур, – можешь не распространяться. Эти, так эти. Какая, в самом деле, разница?!

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Лицо его сделалось серьезным, затем слегка побледнело и разгладилось. Не переставая тихонько посмеиваться, Лайт перевел взгляд на соседний столик. Казалось, он уже заранее знал, чем все это закончится...

Syzygia – 3

Крипта⁹

*Живя,
Будь мертв,
Будь абсолютно мертв —
И делай все, что хочешь,
Все будет хорошо.*

Бунан Дзэндзи

– Prace chest! Поехали! – Юрий Алексеевич захлопнул дверцу машины и повернулся к Даосу, изображая на лице кислую улыбку. – Извини, что заставил ждать. Проспал.

Он виновато развел руками.

Даос молча завел мотор. Набирая скорость, машина вырулила со стоянки.

– Чего такой хмурый?

– Нормальный, – ответил Даос, не поворачивая головы. – А ты, как я вижу, снова не в меру веселый. Был у Макса?

– Ой, перестань, – скривился Юрий Алексеевич, – сколько можно об одном и том же. Ну был, и что с того? Мне твои нравоучения уже вот где сидят!

Он выразительно чиркнул ладонью себе по горлу.

– Дурень ты, что я еще могу сказать, – с грустью в голосе произнес Даос.

Вести воспитательную работу он и не думал. «Что я ему, нянька, что ли? Взрослый мужик, сам знает, чем все это обычно заканчивается. Ну покурил травы, ну нажрался бы, это еще туда-сюда. Иногда даже полезно. Нет ведь, тянет его на какие-то идиотские эксперименты. Вот Гында узнает, он ему врежет. Вылетит как пробка, будет тогда опять с копейки на копейку перебиваться по своим газетенкам».

– Куда хоть едем? – поинтересовался Юрий Алексеевич.

– Работать едем.

– Ясно, что не на прогулку. А конкретнее?

– В «Клуб». Звонил Тюка, назначил встречу на десять часов.

– Это снова насчет твоих железяк? – скопомордился Юрий Алексеевич.

– Нет, – спокойно ответил Даос, – это насчет пропажи. Не знаю, каким образом, но дипломат всплыл у них. Гында велел разобраться. По возможности тихо.

– Ну сопляки, ну дают! У них что, совсем ума не осталось?

– Кто бы выступал по поводу ума, – усмехнулся Даос.

Юрий Алексеевич фыркнул, но промолчал.

«А вообще-то, он прав, – думал Даос, поигрывая пальцами на баранке руля, пока машина стояла на светофоре. – Зря пацаны в это дело влезли, ох зря. Ладно, нас послали, а если б кого другого? Собирали чугун, вот и собирали бы себе. Плачу им неплохо, чего еще надо?..» Он попытался прикинуть, каким образом дипломат мог попасть к Тюке, но придумать что-либо вразумительное было довольно сложно. Или это какое-то недоразумение, или...

Загорелся зеленый, Даос убрал ногу с педали тормоза и легонько нажал на газ.

⁹ ...крипта... – Крипта (гр. κρυπτή) – тайный подземный склеп, предназначенный для ритуальных целей – посвящения или погребений; подземный ход со сводами, высеченный в скале. Считается, что под каждым храмом древности обязательно находилась крипта.

– Слушай, – Юрий Алексеевич достал сигарету, закурил, – а когда нашего бугая заваляли? Я что-то по телефону со сна не разобрал.

– Пару часов назад. А около восьми был звонок от Тюки. Дипломат у него, но как он к нему попал... – Даос пожал плечами. – В общем, пацаны даже не догадываются, чей он и чем они рискуют, объявив себя. Требуют пару кусков зелеными, дурачье...

– Ну дела! А что Гында?

– Ничего. Велел разобраться.

– Мм... да...

Несколько минут ехали молча.

– Что будем делать? – осторожно поинтересовался Юрий Алексеевич.

– Ничего не будем. Заберем дипломат и отвезем его Гынде.

– Ясно. А... пацаны?

– А пацанам скажем, чтобы валили из города и забыли о том, что видели. Думаю, не дураки, сами все сообразят, когда узнают, во что вляпались.

– Ясно...

Юрий Алексеевич докурил сигарету и выкинул окурочек в окошко.

«Ничего тебе не ясно, – раздраженно подумал Даос, – отчитываться перед Гындой ты, что ли, будешь? Он ведь так просто не успокоится. Он ведь захочет знать, кто Питона шлепнул и почему этот кто-то до сих пор преспокойненько себе разгуливает. Ладно, если эти малолетние отморозки на самом деле ни в чем не виноваты, а если нет? Впрочем, это ерунда. Вот только отмазать их будет совсем не просто».

Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на приятеля. Юрий Алексеевич листал какой-то журнальчик, время от времени хмыкая и покачивая головой.

– Нет, ты только послушай, – воскликнул он, продолжая брезгливо цыкать. – *«Двадцать девятого июля около двадцати двух часов»*¹⁰ на Бурковском кладбище двое сотрудников милиции остановили велосипедиста, разъезжавшего по тропинкам деревенского погоста. На вопрос, что он делает на кладбище в столь неурочный час, пожилой мужчина ничего вразумительного не ответил. В отделе внутренних дел у задержанного изъяли фонарь, нож, стамеску и полиэтиленовый пакет, после чего кладбищенский велогонщик Дамаки признался, что он в очередной раз намеревался взломать гроб для совершения полового акта с трупом».

– Что это за бред? – перебил Даос.

– Никакой не бред. Это про некрофилов.

– Тебе заняться больше нечем?

– Чего ты развыступался?! – воскликнул Юрий Алексеевич, изображая невинное удивление. – Некрофилы – больные люди, их жалеть надо, а ты сердисься. Почитал бы лучше «Клошмерль». Там один аптекарь, который...

– Не читал и не собираюсь! – отрезал Даос. – Тебя все еще прет, что ли? Вы чем там вчера с Максом вмазывались?

– Твое какое дело? – обиженно буркнул Юрий Алексеевич. – Тебе, кстати, от Макса привет.

– Больно мне нужны его приветы.

– Ну и дурак.

¹⁰ ...двадцать девятого июля около двадцати двух часов... – Юрий Алексеевич цитирует статью Александра Тарасова «Осквернитель». **Из откровений Дамаки:** «...Последнее время с женой живем плохо, в связи с чем с марта 1986 г. проживаю отдельно. В марте-апреле 1985 г. у меня стали возникать сильные половые возбуждения. Решил удовлетворить половую страсть с трупом женщины. Пошел на Рогожское кладбище, взяв велосипед, стамеску для взлома гроба и фонарь. Приехал на кладбище около 23 часов. Убедившись, что никого нет, нашел могилу недавнего захоронения по свежим венкам. Дорыв до гроба, я стамеской попытался открыть крышку, однако этого сделать не смог, после чего сломал верхнюю часть крышки гроба и через образовавшийся пролом за ноги вытащил из гроба труп...» («Щит и меч». № 9, 1991.)

Вместо ответа Даос показал руку с вытянутым вверх средним пальцем.

Настроение у него было довольно паршивым. И дело здесь даже не в пропавшем дипломате. Дипломат – это так, мелочи. Частный случай, заурядное задание. Просто как-то тоскливо стало в последнее время на душе. Как-то одиноко и до невозможности грустно. И «служба» эта паскудная у Гынды опостылела, и все остальное. Мальчик на побегушках, мать твою так! «Эх, знала бы Надюха, чем я на самом деле занимаюсь, давно бы послала меня куда подальше...» Он тяжело вздохнул.

– Опять депрессняк, – не упустил случая съехидничать Юрий Алексеевич, – а еще на меня наезжает. Чем вмазывался, да чего такой веселый.

– А не пошел бы ты в баню! – огрызнулся Даос, впрочем, вполне беззлобно.

– Тазики переворачивать? Нет уж, увольте. Мне и здесь неплохо.

Юрий Алексеевич швырнул журнал на заднее сиденье, потянулся, жутко хрустя суставами.

– Я вот пока ночью по городу с Максом бегал, – заговорил он, – все думал о нашем вчерашнем базаре.

– С чего бы это? – усмехнулся Даос.

– Не знаю. С одной стороны, ты, конечно, прав. Человек – это всего лишь еще одна ступенька в бесконечной эволюционной лестнице. Никакой мы не венец природы, а так... «Мыслящий тростник», ничего больше. Однако в том, что касается непосредственно разума... – Юрий Алексеевич выдержал глубокомысленную паузу. – Здесь я с тобой (*...Разум – это святое!*..) ну никак не могу согласиться.

– Великолепно! – рассмеялся Даос. – С некрофилов на философию. Здорово тебя перебрасывает.

– Ты давай не увиливай. Нечего мне тут зубы заговаривать. По-твоему получается, что в плане познания окружающего мира человеческий разум только все запутывает. Так, да?

– Не совсем.

– Как это – не совсем?! А что ты вчера плел?

– Не плел, а излагал точку зрения, – поправил Даос. – И речь шла не о разуме, а о так называемом «здравом смысле».

– Хм, на самом деле?

– Я сказал, что полагаться в деле познания на здравый смысл, это все равно, что производить расчеты для космоса с помощью арифмометра или карманного калькулятора.

Он резко затормозил, едва не сбив пытавшегося перебежать дорогу мужичонку. Юрий Алексеевич со всего размаху ударился о лобовое стекло.

– Ты что, придурок, совсем охренел?! – заорал Даос, высовываясь в окошко. – На тот свет захотел, идиот недоделанный?!.

Мужичок отскочил на обочину, испуганно захлопал глазами.

– Вот урод, – пробормотал Юрий Алексеевич, почесывая (*...нету разума, нет и чувства...*) ушибленный лоб.

Он погрозил и без того напуганному пешеходу кулаком.

– Трудно вообразить, сколько заблуждений скрывается за этим пресловутым «здравым смыслом», – как ни в чем не бывало продолжал Даос. – Взять, к примеру, сновидение. Сколько веков считалось, что не бывает сновидений, в которых спящий осознавал бы то, что он спит. Сначала философы, а затем психологи и психоаналитики все в один голос утверждали, что подсознание на такой рационализм не способно. Однако сегодня **вдруг** выясняется, что все это ерунда и что можно спать и в то же время находиться в состоянии «дневного осознания действительности». Можно! **Исторически** все это открывается только сейчас, тогда как и сон, и данный феномен **объективно** существовали всегда.

– Погоди, погоди, – Юрий Алексеевич поднял руки и замотал головой, – при чем тут сновидения? Что ты такое несешь?

– Я специально привел этот пример, поскольку феномен «осознанного сновидения» затрагивает сферу индивидуального опыта, а не является результатом развития воззрений социума. Общественная практика и принцип историзма тут ни при чем.

– Хорошо, – отмахнулся Юрий Алексеевич, – я ни хрена не понял, но это неважно. Вчера мы говорили совсем о другом.

– О Боге и о возможности **рационального** доказательства Его объективного бытия или небытия?

– Да! И о том, насколько в решении этого вопроса можно полагаться на разум.

– Прекрасно, – согласился Даос, – давай поговорим об этом.

Он с трудом подавил улыбку. Юрий Алексеевич (а в просторечии Плотник) когда-то был неплохим журналистом. Очень любил свою работу, много ездил, много писал. Быть бы ему журналистом и по сей день, если бы год назад судьба не свела его с Гындой. Что именно произошло между ними, Даос не знал, но после той встречи Плотник вдруг оставил работу в редакции и без каких-либо видимых колебаний перешел к Гынде, который тут же поставил его напарником Даоса.

Трудно сказать, явились ли причиной столь резкой перемены деньги, или же (по утверждению самого Юрия Алексеевича), он просто понял, что его писанина не имеет равным счетом никакого значения. Как бы там ни было, с журналистикой он порвал. Однако смена деятельности никоим образом не повлияла на круг его интересов и манеру общения. В разговорах с Даосом он всегда затрагивал темы, в которых разбирался довольно плохо, но которые искренне его интересовали и в которых он хотел бы разбираться чуточку лучше. Так и теперь. Их диспут о сущности Бога длился уже третий или четвертый день.

– Итак, – торжественно начал Юрий Алексеевич, – *мы имеем три доказательства того, что Бог действительно существует*¹¹. И доказательства эти мы получаем благодаря разуму, благодаря мышлению, а не экспериментам или повседневному опыту.

– Вот потому-то, – ввернул Даос, – все они равным счетом ничего не доказывают.

– Элементарный здравый смысл говорит нам, что «само собой» или по воле случая возникнуть ничего не может. Необходим Творец! А кем бы такой творец ни был, он и есть Бог. Бог, создавший эту материальную вселенную.

– Откуда это, интересно, такая приверженность к детерминизму? – поинтересовался Даос. – Впрочем, даже если принять твою точку зрения и быть до конца последовательным, **закономерно** возникает вопрос: если причиной возникновения Мира послужил Бог, то что послужило причиной возникновения самого Бога?

– Бог вечен! – воскликнул Плотник, всем телом разворачиваясь к Даосу.

– В таком случае, – с улыбкой возразил тот, – что же нам мешает объявить вечным сам Мир? Сделаем так, и необходимость в Творце отпадает сама собой.

– В пользу того, что Бог существует, говорит та гармония, то совершенство, те слаженность и упорядоченность, которые сверху донизу пронизывают Вселенную. Все в ней, от малого

¹¹ ...мы имеем три доказательства того, что Бог действительно существует... – так называемые «доказательства бытия Божьего»: **1. Космогоническое доказательство**: «...как и все на свете, сам мир должен иметь свою причину, каковой и является Бог...»; **2. Телеологическое доказательство**: «...весь мир свидетельствует о мудрости Творца, настолько все в нем упорядоченно и целесообразно...»; **3. Онтологическое доказательство (схоласта Ансельма Кентерберийского)**: «...Бог представляется нам самым совершенным существом. Если это существо не обладает признаком бытия, значит оно недостаточно совершенно, и мы впадаем в противоречие с самим собой, устранить которое можно, лишь признав существование Бога...» В разговоре между Плотником и Даосом из классических доказательств затрагиваются только эти три. «Историческое доказательство», «доказательство Августина», «доказательство Канта» и др. – игнорируются.

до великого, подчиняется определенным законам. А **То**, что создало эти законы, что постоянно поддерживает их неизменными и заставляет работать, не может быть ничем, кроме Господа!

– Почему же не может? – рассмеялся Даос. – Утверждают же материалисты, что законы мироздания есть атрибуты самой материи. Думаю, и твои, и их аргументы в равной мере **логически** обоснованы. Что до гармонии...

Он помолчал, затем продолжил:

– Как знать, не является ли гармония только плодом человеческого воображения, нашей субъективной оценкой мировой взаимосвязанности и уравнищенности? Еще Гегель заметил: глупо полагать, будто Бог создал пробковое дерево для того, чтобы было чем затыкать бутылки.

– Дурак твой Гегель! – огрызнулся Плотник.

– Гегель – философ, – поправил его Даос, многозначительно поднимая вверх указательный палец.

– А по поводу онтологического доказательства, я надеюсь, ты вообще не станешь распространяться. Его **убогость** очевидна даже последнему кретину.

– Не буду, – уныло согласился Юрий Алексеевич. – Оно не доказывает существования Бога, а говорит лишь, что если Он и вправду существует, то должен быть существом абсолютным, включающим в себя все, в том числе и собственное бытие.

– Сам-то хоть понял, что сморозил?

– Понял.

Несколько минут Юрий Алексеевич выглядел мрачным и подавленным.

– *Но как же **уникальность** Вселенной?!¹²* – воскликнул он с отчаянием. – Как же уникальность Солнечной системы, Земли?!

¹² ...но как же **уникальность** Вселенной?! – в данном случае, пытаясь доказать существование Бога, Юрий Алексеевич прибегает к помощи так называемого «антропного принципа». Из эссе доктора Юдина «О мироздании»: «...Слишком сложна цепь существующих во Вселенной взаимодействий, чтобы мыслить ее не созданной по разумному плану. Вселенная уникальна, как уникальны Земля и Человек. <...> Проиллюстрируем данное утверждение, хотя бы на примере условий, необходимых для возникновения жизни. <...> 1. **Расширяющаяся Вселенная**. Благодаря разбеганию галактик, их суммарное излучение приходит в каждую точку пространства сильно ослабленным. Если бы галактики сближались, плотность радиации в любой точке космоса, а значит, и температура космической среды, оказались бы столь велики, что в такой Вселенной возможность существования не только жизни, но и каких-либо сложных структур вообще была бы полностью исключена. 2. **Трехмерность пространства**. В одно- или двухмерных пространствах осуществимы лишь такие движения, при которых образование сложных структур весьма маловероятно. В пространстве же, обладающем четырьмя и большим числом измерений, все круговые траектории оказываются неустойчивы – планеты будут либо падать на Солнце, либо улетать в бесконечность. Не удержалась бы и их атмосфера, т. к. в многомерных пространствах сила тяготения убывает с расстоянием значительно быстрее, чем в трехмерном. 3. **Средняя плотность материи**. Средняя плотность материи во Вселенной близка к критической. Это именно то условие, которое необходимо для образования биологических живых структур. Окажись средняя плотность намного меньше критической, и силы инерции возобладают над силами тяготения; это значит, что станет невозможным формирование галактик, звезд, планет, а следовательно, и жизни. Если бы средняя плотность, напротив, оказалась значительно больше критической, то существенно сократился бы и промежуток, отделяющий начало расширения Вселенной от того момента, когда это расширение переходит в сжатие. А при коротком цикле пульсации Вселенной для формирования разумных существ просто не хватит времени. 4. **Фундаментальные постоянные**. Прежде всего, это фундаментальные физические константы, характеризующие четыре типа взаимодействий – электромагнитного, гравитационного, слабого и сильного; а также заряд и массу электрона. Имей фундаментальные постоянные числовые значения, хоть немного отличающиеся от тех, что они имеют, и ни одна сложная структура не могла бы существовать. Это касается не только живых организмов, но даже атомов и молекул. 5. **Уникальность Солнечной системы**. Солнечная система расположена в нашей галактике в зоне коротации, где угловая скорость волн плотности совпадает с угловой скоростью обращения звезд, где нет поэтому галактической ударной волны, существующей в спиральных рукавах, – там, где скорость распространения волн плотности отличается от угловой скорости обращения звезд вокруг центра галактики. Зона коротации – своеобразный галактический пояс жизни. Там же, где существует ударная волна, сжимающая газ, идет интенсивный процесс звездообразования, препятствующий возникновению жизни. 5. **Уникальность Земли**. Жизнь на Земле смогла возникнуть только в силу стечения определенных обстоятельств. Именно это стечение обстоятельств и является **уникальным**. Во-первых, Земля находится на таком расстоянии от Солнца, при котором она получает оптимальное для обеспечения жизни количество энергии – тепла и света. Во-вторых, уникально то, что именно на этой планете, единственной в этом смысле среди прочих, существует гидросфера, без которой возникновение биологической жизни невозможно. В-третьих, уникально то, что Земля обладает озоновым слоем, защищающим все живое от жесткой ультрафиолетовой радиации, и магнитным полем, которое отражает или захватывает частицы высоких энергий, пронизывающих космическое

– Уникальность? – переспросил Даос. – Не понимаю, о чем ты, но напомню тебе банальную истину. В Бога можно либо верить, либо не верить, а все попытки рационально обосновать Его бытие или небытие заранее обречены на провал. И знаешь почему? Да потому, что разум далеко не всемогущ и с помощью разума человек познает только ничтожно малую часть этого безграничного и загадочного мира. В том, что касается Бога, в том, что касается вопросов Жизни и Смерти, Бытия и Небытия, а также многих других фундаментальных вопросов, разум бессилен, ибо с его помощью можно обосновать как одну точку зрения, так и другую, диаметрально ей противоположную.

Он посмотрел на Плотника.

Юрий Алексеевич с беспечным видом ковырял в носу. «Какой же я идиот, – подумал Даос. – Распинаюсь перед ним на полном серьезе, а для него этот треп – только забавное времяпрепровождение. Журналюга, он и есть журналюга. Ему что о Боге трепаться, что о некрофилах – все едино».

– Эй! – рявкнул он. – Кончай в носу ковырять! Палец сломаешь. Забей-ка лучше косячок. У нас, насколько я помню, после вчерашнего должно было немного остаться.

– Нету ничего, – отводя глаза, признался Юрий Алексеевич. – Вчера оставалось, а сегодня нету.

– Это еще почему?

– Ночью с Максом докурили остатки.

– Ну ты и жлоб.

– Сам ты жлоб! – взвился Юрий Алексеевич. – Трава моя, что хочу с ней, то и делаю. Я что, не имею права хорошего человека угостить?

– Да на кой хрен вам трава, если вы на героине торчите. Зря только добро перевел.

– Когда мы раскуривались, – терпеливо пояснил Плотник, – никаким героином еще и не пахло. Его сейчас вообще в городе не достать. Я Макса раскурил, а Макс, в качестве благодарности, поделился своей заначкой.

Он захихикал.

– А от тебя, сколько ни раскуривай, слова доброго в свой адрес не услышишь. Вот уж на кого действительно добро зря переводится.

Даос издал презрительное: «Пс-с».

– Если так сильно надо, – предложил Юрий Алексеевич, – можно заехать и взять. Я тут одну точку знаю, гапја высший класс. Кстати, по пути. Можем заскочить прямо сейчас.

– Нет, – отрезал Даос, – заскакивать никуда не будем. Нету, так нету. Да мне, по большому счету, не очень и хочется.

– А чего тогда разводишь?

– Да не развожу я, – отмахнулся Даос, – вспомнилось просто...

– Э-эх, послал Господь напарничка.

Юрий Алексеевич сладко потянулся, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Сейчас бы вздремнуть пару часиков, – пробормотал он. – Всю ночь с Максом по городу бегали. Под утро только прилег, тут ты со своим дипломатом.

– Не со своим, – напомнил Даос, – а с Гындиным. Я, что ли, виноват, что Питона ухлопали? И вообще, не нравится работа, можешь валить обратно в редакцию. Там тебе, кстати, самое место.

Притормозив возле старого парка, Даос свернул на обочину и припарковался у здания инфекционной больницы.

– Пошли, – он пихнул Плотника в бок, – надо еще разыскать этот чертов «Клуб». Я понятия не имею, где он тут у них находится.

Они пересекли больничный дворик и проникли в парк через пролом в чугунной решетке. Поначалу Юрий Алексеевич слегка нервничал, а Даос, напротив, оставался спокойным и невозмутимым. Он ишачил на Гынду четвертый год, а за такое время можно привыкнуть к чему угодно. Да и сама встреча не казалась чем-то особенным. Подумаешь, пацаны. Проблема заключалась не в том, чтобы их развести, а в том, как доходчивее объяснить им, в какое дерьмо они вляпались. Однако очень скоро их роли поменялись.

– А, черт! – Юрий Алексеевич зацепился за край решетки, послышался треск разрываемой материи. – Кажется, брюки порвал.

– Смотри, куда прешь, – угрюмо отозвался Даос.

– Через ворота надо было идти, а не красться задворками.

– Вот и шел бы, раз такой умный.

– Умный, – нервно хихикнул Плотник, – но не настолько же.

Они прошли метров сто по узкой тропинке, вышли на боковую аллею. Осмотрелись, но не заметили ничего подозрительного. На одной из скамеек сидел молодой человек с газетой, остальные скамейки были свободны.

– Так, – соображал Даос, – по-моему, нам туда.

– По-моему, тоже, – ввернул Плотник, бывший в этих местах впервые.

Когда проходили мимо парня с газетой, Даоса кольнуло недоброе предчувствие. Что-то едва уловимое, не имеющее под собой никакого объективного основания. Однако, привыкнув доверять интуиции, он насторожился. То, что внешне выглядело вполне благополучным, на деле могло обернуться совсем иным. В самом конце аллеи он обернулся и успел заметить направленный в их сторону пристальный взгляд.

– Что случилось? – удивился Юрий Алексеевич.

– Ничего, – ответил Даос, – так, просто... Ты давай не расслабляйся.

– Понял. Буду эрегированным.

– Вот-вот. Таким и будь.

Они исследовали западную часть парка, но так и не нашли ничего, что хотя бы отдаленно смахивало на Тюкины описания «Клуба». Развалины игрового комплекса, старая кособокая сторожка, офис какой-то туристической фирмочки. Все это было совсем не то.

– А ты уверен, что понял его правильно? – раздраженно спросил Юрий Алексеевич.

– Который час? – Вопросом на вопрос ответил Даос.

– Половина десятого.

– Плохо. Я хотел появиться там раньше их.

– Давай перекурим, все равно опоздали.

Плотник, не дожидаясь ответа, уселся на ближайшую лавочку. Закурил. Даос присел рядом, продолжая коситься по сторонам.

– Расслабься, – Юрий Алексеевич хлопнул его по плечу, – все будет пучком. В конце концов, даже если мы и обломаемся с этим несчастным дипломатом, нам-то какое дело? Лично мне на него глубоко наплевать. Гынде надо, пускай у него голова и болит. Давай поговорим о чем-нибудь, отвлечемся.

– О чем с тобой говорить?.. – вздохнул Даос.

– Как – о чем? – удивился Юрий Алексеевич. – О жизни, конечно.

– Слишком пространная тема.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Плотник. – Мне все интересно, от инфузории или эволюции до полной бытовухи. Во всем есть своя прелесть.

Даос промолчал.

Краем глаза он заметил в дальнем конце парка того самого парня с газетой. Видение было мимолетным, вполне возможно, что ему только показалось, но он хорошо знал, насколько значительной бывает роль случайностей в нашей жизни, чтобы отмахиваться от них, как от надоедливых насекомых. Тем более сейчас, когда каждая мелочь может иметь далеко идущие последствия. Даос, продолжая слушать болтовню Плотника, внимательно наблюдал за тем, что происходило вокруг.

– Я тут на днях у тебя в тачке одну книжечку видел, – сияя, как начищенное серебряное блюдо, сообщил Юрий Алексеевич, – ты что же это, на самом деле интересуешься подобной литературой?

– Какую еще книжечку?

– Мм... «Омикрон», кажется. Ну, или что-то в этом роде. Что-то такое, метафизически-трансцендентальное.

– Во-первых, не трансцендентальное, а трансцендентное. В данном контексте этот термин более уместен. А во-вторых... с каких это пор ты начал рыться в чужих вещах?

– Не рылся я, – обиделся Плотник, – она у тебя на заднем сиденье валялась. Если для тебя это так важно, нечего разбрасывать где попало.

Он усмехнулся.

– И вообще, какой-нибудь дешевый детективчик, знаешь ли, был бы гораздо уместнее.

– Ты хоть заглядывал в нее? – рассеянно спросил Даос.

На соседнюю скамейку присел поддатый мужичок. Долго рылся по карманам, наконец достал пачку «Примы» и задымил. С минуту Даос внимательно наблюдал за ним, потом отвел взгляд. «Нет, – решил он, – обычный мужик, ничего особенного».

– Так, – пожал плечами Юрий Алексеевич, – полистал маненько. Картинки интересные, а об остальном сказать что-либо вразумительное довольно трудно.

– А?... – встрепенулся Даос. – Ты о чем?

Юрий Алексеевич нахмурился.

– Что происходит? – спросил он серьезным тоном. – Может, объяснишь мне, наконец?

– Ничего... Вернее, не знаю. Ощущение какое-то нехорошее. Что-то не так, а что именно, не пойму.

Даос вздохнул.

Плотник был для него больше, чем просто напарник. Можно сказать, друг. Но даже ему Даос не мог раскрыть всего того, что творилось у него в душе. Слишком далеким стал для него **мир обычных людей**, слишком ограниченным и закрытым, замкнутым на самом себе. Ну как, к примеру, выразить чувство опасности, которое он сейчас испытывал? Как объяснить, что это больше, чем просто предчувствие, что это нечто, ощущаемое физически, как свет, тепло или холод?

– Да что не так-то?! – продолжал допытываться Плотник. – Ничего не понимаю...

Он поплевал на окурочек и раздраженно швырнул его в урну.

– Что-то идет не так, как надо, – упрямо повторил Даос. – Я чувствую!

– Чувствуешь? И что ты чувствуешь?

– Пошли! – Даос решительно поднялся. – Я знаю, где находится «Клуб».

Спустившись по главной аллее, они вышли к большой деревянной беседке, откуда открывался вид на Глаховский пруд, сверкавший в лучах утреннего солнца. Легкий ветерок поднимал на воде рябь. Повсюду чернели рыбацкие лодки. Небольшой прогулочный катер отходил от пристани, оставляя после себя длинный растекающийся след. Немного постояв, они свернули вправо.

Даос шел вперед уверенно, озадаченный Юрий Алексеевич семенил следом. Несколько раз он пытался завести разговор, но Даос упорно не желал вступать в диалог. Обогнули чашу пересохшего фонтана, нырнули в кусты. Долго пробирались через густые заросли, наконец ока-

зались в придорожной канаве. Даос, приложив палец к губам, осторожно высунулся и посмотрел в сторону большого пятиэтажного здания, стоявшего на противоположной стороне улицы.

– Уф, совсем взмок, – шепотом пожаловался Юрий Алексеевич, оттягивая ворот рубахи. – И так жарится, а после этого марш-броска вообще...

Он слегка отдышался, перекатился поближе к Даосу и тоже высунул голову из канавы. У подъезда пятиэтажки стояло несколько иномарок. Людей видно не было, но откуда-то из-под земли грохотала музыка. По всей видимости, «Клуб», о котором шла речь, располагался в полуподвале. Все окна здания с первого по пятый этаж выглядели пустыми и мертвыми. Если бы не музыка и припаркованные у входа машины, можно было бы подумать, что дом абсолютно необитаем.

– Это что, и есть «Клуб»? – спросил Плотник.

Даос молча кивнул.

– Какого ж тогда черта мы перлись через весь парк?

Даос пожал плечами, не произнеся ни слова.

Хлопнула дверь, из здания вывалились несколько парней в спортивных костюмах. Постояли, о чем-то негромко переговариваясь, затем подошли к одной из машин. Постояли еще немного. Закурили. Наконец залезли в тачку и, задним ходом вырулив на дорогу, уехали.

– Ну что, – поинтересовался Юрий Алексеевич, – так и будем лежать?

– Смотри туда. – Даос указал на белый фургон без окон, стоявший на обочине, метрах в пятидесяти от «Клуба».

– И что?

– Теперь туда, – ткнул пальцем в направлении стоянки.

В одном из автомобилей Плотник заметил человека. Тот сидел неподвижно, откинувшись на спинку сиденья и слегка приспустившись вниз, так, что при беглом взгляде его силуэт полностью сливался с внутренностью салона.

– Хм... – Юрий Алексеевич почесал подбородок. – Что будем делать?

«Дошло, наконец», – подумал Даос. Что делать, он еще и сам не решил. По здравому разумению, самым правильным сейчас было бы взять ноги в руки и незаметно слинять отсюда тем же путем, каким они пришли. Черт с ним, с дипломатом. Здесь Плотник прав, Гынде надо, пускай у него голова и болит. Другой вопрос – пацаны. Если их сейчас так оставить, то не сегодня-завтра всем им посвинчивают головы. Это уж как пить дать. Ерунда, конечно. Кто они ему, чтобы так из-за них запариваться? Никто!.. А все-таки жалко...

– Надо идти, – сказал он не совсем уверенно.

– Думаешь?

Плотник сосредоточенно посापывал, закусив нижнюю губу.

– Надо, – повторил Даос. – Бог даст, пронесет. Главное, не расхолаживаться.

– А если не пронесет?

– Ну, а если не пронесет, значит, такая уж наша судьба.

Он улыбнулся:

– Не дрейфь. Ты ведь у Гынды в Центре зарегистрирован? Вот и прекрасно. «Кронос – ваш шанс победить время!» Лет через тысячу встретимся, тогда и поговорим обо всем.

– Меня твои подъёбушки уже конкретно достали! – злобно зашипел Юрий Алексеевич. – Можно подумать, ты сам не зарегистрирован.

– Да не кипятись ты так. И я, разумеется, зарегистрирован... был.

Он выдержал паузу.

– Ну что, идем?

– Идем, – вздохнул Плотник. – Семи смертям не бывать, а одной... Может, и вправду, пронесет...

Они выбрались из канавы, отряхнулись и не спеша направились к зловещей пятиэтажке. Юрий Алексеевич изо всех сил пытался казаться беззаботным, но чем сильнее он пыжился, тем отчетливее проступала на его лице звериная сосредоточенность.

– Ты это, – пошутил Даос, – смотри не пукни от напряжения.

Юрий Алексеевич вежливо улыбнулся.

Поравнявшись с машиной, в которой сидел мужик, Даос с удивлением отметил, что тот как две капли воды похож на того, который шлялся с газетой по парку. Сходство было невероятным. Причем сходство это заключалось не столько в чертах лица, сколько в его выражении. Создавалось впечатление, будто они носили одну и ту же маску. Мужчина проводил их пристальным взглядом.

Возле железной двери, ведущей в «Клуб», они ненадолго задержались. На двери висел бумажный плакат с изображением скелетика ископаемой птицы.

– Двадцатого мая, суббота, девятнадцать ноль-ноль. Ю-dance club, – прочитал Даос, – *памяти Легендарной Птицы Археоптерикс посвящается*¹³ выставка концептуальной графики – Archaeopteryx lithograph. В экспозиции:

- монументальный эстамп;
- минималистическая монотипия;
- «Сады Адама»;
- Лифты.

– Лифты... – эхом отозвался Плотник, пялившийся на тот же плакат. – Какие еще лифты?

– Грузовые, наверное, – усмехнулся Даос, – не пассажирские же.

Он нажал кнопку звонка.

Долгое время ничего не происходило. Минуты через три лязгнул отодвигаемый засов, дверь приоткрылась, и на пороге возник бритый парень в темном балахоне с капюшоном.

– Чё надо? – вызывающе спросил он.

Без лишних разговоров Даос затолкнул его внутрь и вошел сам. Плотник, прошмыгнув следом, проворно закрыл дверь на щеколду.

– Где Тюка? – поинтересовался Даос, ухватив растерявшегося парня за грудки.

Парень неопределенно мотнул головой. Даос, отпихнув его в сторону, устремился вперед по темному коридору.

* * *

– Как дела у Надюхи? – спросил Плотник, пытаясь переорать грохот музыки.

– А тебе-то что? – нахмурился Даос.

Они стояли в дверях огромного танцевального зала. Юрий Алексеевич подпирал правый косяк, Даос – левый. Темноту задымленного помещения разрезали вспышки лазера. Все здесь находилось в движении. В такт музыке двигалась толпа, в такт толпе двигались клубы дыма,

¹³ ...памяти Легендарной Птицы Археоптерикс посвящается... – **Эстамп** – картина-оттиск, снимок с гравюры. **Концептуальная история эстампа:** «...Сам принцип эстампа или отпечатка можно увидеть как в первобытном искусстве, так и в процессе развития всей остальной истории искусств: – Палеолит; Ориньяк- Солютрейский период (35–20 тысяч лет до н. э.) – отпечатки кистей рук первобытного человека на сводах пещер; – XX век; Манхэттен, кафе "Планет Холливуд" – следы рук голливудских знаменитостей; – I век н. э.; Нерукотворный Образ, или, иначе, Спас Нерукотворный, – важнейший образец, которому следовали мастера во все времена, пока существовало древнерусское искусство, икона, созданная, по преданию, не только при жизни, но и по воле самого Иисуса Христа; – "Туринская Плащаница"; Далее можно совсем уйти от осознанной человеческой деятельности и обратиться к Природе-Матери, когда еще человек и не думал быть. Уже тогда можно встретить один из основных принципов сохранения информации – отпечаток. Достаточно вспомнить Легендарную Птицу Археоптерикс, известную нам по известияковым отпечаткам...» (Творческая студия аудиовидеозаписи «Археоптерикс», 1997 г.)

висевшего сверху, подобно смогу над большим промышленным городом. Метались разноцветные зайчики, пронзая дымную завесу и отскакивая от стен.

– Когда сто человек стоят рядом, – процитировал Даос, – каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой.

– Не стоят, – поправил его Плотник, – а прыгают и повизгивают.

– Но рассудка-то все равно нет.

– А зачем он здесь нужен? Это же коллективная медитация. PRODIGY – музыка неживой природы! Бежит электричество по проводам, течет газ по трубам, горит огонь, давая тепло... Это движение без мысли, чувства и остановки.

«Насчет коллективной медитации мысль интересная, – отметил про себя Даос. – Что-то здесь действительно есть. Что-то от первобытных языческих оргий. Хочешь не хочешь, а так и тянет поучаствовать в этом "празднике тела"... Не правы идеологи. Исторически человеческий язык возник вовсе не как средство общения между людьми, вызванное необходимостью совместной трудовой деятельности. Исторически он должен возникать из таких вот диких плясок, как нечто сакральное, имеющее ценность только до тех пор, пока длится этот ритуальный танец. На предметы и действия повседневного быта он распространяется гораздо позже... Смысл рождается именно в безумии, мысль и слово есть порождение отсутствия того и другого...»

Он усмехнулся, сам поражаясь тому, какая чушь лезет в голову.

– А где наши гаврики? – проорал Плотник. – Ты что, всерьез надеешься отыскать их в этом дурдоме?

– Их здесь нету, – ответил Даос, прищуривая левый глаз.

– То есть как это нету?!.

– А так вот и нету. **У них же дипломат**, полудурок.

– Ну?.

– Баранки гну! Ты бы поперся **с дипломатом** на дискотеку?

– Ничего не понимаю...

– По комнатам надо поискать, дурень, – терпеливо пояснил Даос.

– Ну, так чего ж мы тогда здесь стоим?!.

– Я не знаю, это ты встал.

Юрий Алексеевич сплюнул в пол, смачно при этом выругавшись.

Покинув дискотеку, они направились дальше по коридору. То ли под действием темноты, то ли по какой другой причине на Даоса нахлынул поток бессвязных образов. Вспомнилась Надя, ее очаровательная улыбка и грустные черные глаза. Когда они разговаривали в последний раз, ему показалось, что она о чем-то догадывается. Да и как, в самом деле, можно было верить той ерунде, которую он плел, рассказывая ей о себе. Все в Глахове знают, кто такой Гында, и то, что он работает на Гынду, говорит о многом. «Бросить бы все это к чертовой матери», – подумал он, отлично понимая, что бросить **это** не так-то просто. Слишком привык он к такому образу жизни, слишком далеко зашел.

В мини-баре, куда они завернули, Тюки тоже не оказалось. За одним из столиков сидела шумная компания подростков, за другим – два мордоворота бандитской наружности. Опрокинув у стойки по рюмке ледяной «Столичной», Даос с Плотником двинулись дальше.

– Что ж темно-то так, – сокрушался Юрий Алексеевич. – Как у негра в заднице, честное слово.

– У тебя ствол с собой? – шепотом спросил Даос.

Где-то позади, в самом начале коридора, он уловил подозрительный шум. За грохотом музыки разобрать что-либо было довольно сложно. Может, это кипишует тот чудик, который открывал дверь, а может... Нет, вроде бы все спокойно.

– Конечно с собой, – раздраженно ответил Плотник. – Ты меня что, совсем за идиота держишь?

– Нет, – прошипел Даос, – не совсем.

– Ну, так перестань задавать идиотские вопросы.

– Хорошо. Больше не буду.

Метров через десять коридор неожиданно закончился тупиком. Они, потоптавшись на месте, совсем уж было решили вернуться (неисследованной оставалась еще южная часть помещения), когда Плотник заметил пробивающуюся снизу полосу света.

– Смотри! – Он вцепился Даосу в руку. – Ты видишь, да?..

– Вижу. – Даос напрягся. – Не слепой.

В полу находился люк. Они откинули крышку и осторожно спустились. Здесь оказался еще один коридор, гораздо уже первого, освещенный вмонтированными в стену лампочками под стеклянными колпаками. Юрий Алексеевич удивленно присвистнул:

– Ё-моё, да это прямо **лабиринт** какой-то.

От центрального хода в обе стороны вело множество боковых ответвлений. Грубые каменные стены, сводчатые потолки и бетонный пол вызывали подавленность и дискомфорт. Трудно было поверить, что под обычным городским зданием может располагаться нечто подобное.

– Здесь бы уместнее смотрелись факелы, а не лампы, – в полной растерянности пробормотал Плотник. – Что будем делать?

– Не знаю, – чистосердечно признался Даос. – Приходить в замешательство, что еще остается делать...

Однако прийти в замешательство им не дали. Откуда-то сбоку вынырнул парнишка в синей джинсовке и, деловито подойдя к Даосу, пожал ему руку.

– Что-то вы, Сергей Николаевич, запоздали, – произнес он. – Мы уже подумали, что вы совсем не появитесь.

– Привет, Ныш. – Даос улыбнулся в ответ. – Как тут не опоздать, если вы так запрятались. Тюка где?

– Там, – парень махнул рукой, – все там. И Тюка, и Лёха с Бартом. Пойдемте, я вас провожу.

Выключив в коридоре свет, он зажег фонарик.

– Это еще зачем? – удивился Даос.

– Положено так. Свет я только для вас врубал, чтобы вам легче было отыскать вход.

– Что за перец? – зашипел Плотник, наклоняясь Даосу к уху.

– Тюкин приятель, – ответил тот. – Они вместе занимаются задвижками. Кстати, нормальный парень.

– А-а... Понятно.

Вся процессия медленно двинулась по коридору.

– Что это за бомбоубежище? – поинтересовался Даос.

– Это не бомбо-, это **наше** убежище, – пояснил Ныш. – Наверху располагается «Клуб», а внизу – **мы**. Сюда, как говорится, вход только для посвященных.

– Понятно. Значит, мы тоже попадаем под эту категорию?

– В каком-то смысле – да.

Ныш резко свернул в сторону.

«Будь я проклят, если все это не сон, – в растерянности подумал Даос, – в жизни ничего подобного не видел! Да тут заблудиться, как два пальца обоссать. Будешь потом шараться, пока тебя какой-нибудь Минотавр не сожрет. Впрочем, эти засранцы должны чувствовать себя здесь, как рыба в воде. Для них это родная стихия...» (Он не знал наверняка, но догадывался, откуда берутся задвижки, которые он у них покупает.)

– И давно вы забрались в это подземелье? – спросил он.

– Давно, – ответил Ныш. – Намного раньше, чем наверху появился этот дурацкий «Клуб».

– И что же, не было никаких проблем?

– Как не было, конечно были. Еще какие! Поначалу эти уроды нас отсюда вообще выставили. Правда, потом сами же и прибежали звать обратно.

Он рассмеялся.

– Подвалов-то этих никто, кроме нас, толком не знает. А тут такого понаворочено... В общем, договорились по-мирному. Они нас не трогают, а мы им, в случае чего, оказываем посильную помощь.

– В случае чего, это как? – влез с вопросом Юрий Алексеевич.

– Ну-у... мало ли, – уклончиво ответил Ныш. – Здание-то дореволюционное. Да тут, ко всему прочему, находится общегородской канализационный коллектор. Он уже лет шестьдесят как заброшен, однако время от времени что-то в него передавливает, и тогда такое зловоние поднимается, что хоть стой, хоть падай. Ни один слесарь, ни один сантехник не может понять, что почем. Ходят, плечами пожимают, а вглубь заходить боятся. Вот тогда к нам за помощью и бегут.

Ныш снова заржал.

– А иначе никак. Отсюда из-за этого и «Комитет по недрам» съехал. – Он ткнул пальцем вверх. – Тут раньше «Комитет по недрам» располагался. Все пять этажей занимал, зараза.

– Слушай, – Плотник поморщился, словно что-то припоминая, – а это не вас я сегодня ночью видел?

– В смысле?! – Ныш резко остановился, фонарик в его руке потух.

– Вы еще из подвала возле стадиона вылезали. Что-то такое тяжелое пёрли.

– Нет, – включив фонарь, Ныш двинулся дальше, – не нас. Я ничего тяжелее стакана не поднимаю. Что я, ишак, что ли?

Они долго блуждали по темным, пропахшим плесенью коридорам. Казалось, Ныш специально запутывает следы. «В самом деле, – отметил про себя Даос, – без него нам теперь отсюда в жизни не выбраться. Знает, сучонок такой, что делает. Странно только, что ему не приходит в голову одна простая вещь. Вот возьму я его за шиворот, приставлю к башке пистолет, и выведет он меня, вместе с дипломатом, туда, куда мне потребуется. Выведет как миленький».

– Ну вот, – произнес наконец Ныш, – кажись, пришли.

Он, остановившись перед ржавой железной дверью, несколько раз в нее стукнул. Спустя пару минут раздался ответный стук, и дверь заскрипела, отходя в сторону. Вся компания ввалилась внутрь.

Комната, в которой они оказались, была совсем маленькой. Метра три на четыре, не больше. В центре стояли стол, покрытый цветастой клеенкой, набор разнокалиберных стульев и длинная лавка. Вдоль стен располагались что-то вроде стеллажей, заставленных разным хламом. В дальнем углу – две канистры и огромная деревянная бочка. Освещением служило несколько керосиновых ламп, развешанных под потолком.

При их появлении сидевшие за столом парни привстали, однако по знаку Тюки, открывшего дверь, тут же уселись на место. Всех присутствующих Даос хорошо знал. Тюка и Ныш поставляли ему задвижки с вентилями (которые он, с неплохой для себя выгодой, перепродавал ЖЭКом и различным ремонтно-строительным организациям). Парни за столом были студентами. Один, Барт, компьютерщиком, а второй, кажется, Лёха, религиоведом. Пару раз он встречался с ними, когда забирал у Тюки очередную партию «железа», и еще раньше – в Реабилитационном Центре у Гынды. Словом, все здесь были свои.

– Здорово, диггеры, – поприветствовав Тюку, Даос подошел к столу и по очереди пожал руки парням.

Было заметно, что все они ужасно нервничают. Тюка изо всех сил старался казаться спокойным, но и ему было явно не по себе.

– Чего это вы под землю-то забрались? – Даос пересек комнату и уселся на один из свободных стульев. – Другого места для встречи найти не могли?

Плотник остался стоять у дверей.

– Ну, вы же сами сказали, Сергей Николаевич, что мы диггеры, – заговорил Тюка, – а где еще находиться диггерам, как не под землей?

По всей видимости, Тюка был здесь за лидера. Вернее, корчил из себя лидера, что выходило у него довольно-таки плохо.

– Но мы-то не диггеры, – произнес Даос.

– Так ведь не мы в вас нуждаемся, – Тюка издал нервный смешок, – а вы в нас.

– Хм... Это еще как сказать. Жизнь, она ведь такая забавная штука...

Он запустил руку во внутренний карман пиджака. При этом жесте парни ужасно побледнели, а Тюка даже попятился.

– Спокойно, спокойно, – Даос достал мятный леденец и ловко зашвырнул его себе в рот, – все нормально. Где дипломат?

– А где... деньги? – заикаясь, спросил Тюка. – Вы, я вижу, налегке.

– Деньги? – ухмыльнулся Даос. – А зачем они вам, деньги?

– Как зачем? – растерялся Тюка. – Мы же... договорились.

– Так оно, конечно. Только ведь на том свете деньги ни к чему.

Он громко хрустнул леденцом.

– Я... я вас не понимаю. – Губы у Тюки задрожали. – Мы же договорились. Вы же сами сказали...

На глаза ему навернулись слезы.

«Э-эх, – мысленно вздохнул Даос, – ну что ты с ними будешь делать. Это же дети. Их бы выпороть хорошенько да поставить в угол на горох. Насмотрелись детективов, понавоображали себе бог весть что... Крутые парни, мать твою так!»

– Вот что, – сказал он, нахмурившись, – хватит хлюпать, давайте поговорим спокойно, без истерик. Вляпались вы серьезно и как будете выкручиваться, это еще большой вопрос.

– Да уж! – замогильным голосом пророкотал Плотник.

– В общем, давайте начистоту. Каким образом дипломат оказался у вас? Искренне надеюсь, что к убийству Питона вы не имеете ни малейшего отношения. Потому что если я ошибаюсь, то ни я, ни Плотник, – он кивнул в сторону двери, – помочь вам уже ничем не сможем.

Повисло напряженное молчание.

– Значит, так, – порывшись в карманах, Даос достал несколько мятых бумажек, пересчитал, – здесь пятьсот баксов. Это вам лично от меня. Где дипломат?

Барт молча нырнул вниз, клеенка зашевелилась, и через секунду дипломат лег на стол. Откинув крышку, Барт сел на место.

– Прекрасно, – Даос всучил деньги Тюке, стоявшему столбом посреди комнаты, – будем считать эту проблему решенной. Теперь осталось дело за малым. Как эта штука к вам попала?

Снова молчание. Тюка, пробормотав что-то невнятное, уставился в пол.

– Это... я нашел, – дрожащим голосом признался Лёха. – Но, честное слово, я понятия не имел, чье оно... А тот мужик... Я подумал, он пьяный!

– Вы кому-нибудь показывали дипломат, с кем-нибудь говорили об этом?

– Нет! – хором ответили Тюка и Ныш.

– Нет, – эхом отозвался Барт. – Лёха сразу примчался ко мне, а от меня мы прямым ходом двинули к Тюке.

– Точно?

– Точно! – Все закивали головами.

Даос задумчиво почесал подбородок. В том, что парни говорят правду, он не сомневался. Слишком они были напуганы, чтобы врать. Да и в любом случае сдавать их Гынде не было ни смысла, ни необходимости. Самое главное, что подробностей этой истории никто не знает.

– Итак, дело обстоит следующим образом, – заговорил он, продолжая хмуриться. – Мужик, которого ухлопали сегодня утром, работал на одного очень серьезного человека. И этому человеку ужасно не понравилось то, что произошло. Я подчеркиваю – ужасно! А шутить этот человек не любит, потому как он на самом деле очень серьезный. Улавливаете, о чем речь?

Дружное кивание головами.

– Я, конечно, вам верю, но беда в том, что от меня в данной ситуации почти ничего не зависит. Максимум, что я могу для вас сделать, это вообразить, будто нашей сегодняшней встречи никогда не было. Вы оставили дипломат в условленном месте, а сами на встречу не явились.

Он выдержал многозначительную паузу.

– Если после нашего разговора вас увидит в городе хотя бы одна собака... – Даос саркастически усмехнулся. – Имейте в виду, что мы далеко не единственные, кто вас сейчас разыскивает.

– Но мы же ничего не делали! – с отчаянием в голосе воскликнул Тюка.

– Сожалею, но это уже никого не интересует.

Даос подошел к столу. Несколько секунд разглядывал содержимое дипломата, затем захлопнул крышку и передал его Плотнику.

– Раньше надо было соображать, – ядовито отозвался тот.

– Сергей Николаевич, – раздался голос из дальнего угла.

Говорил Ныш. С некоторым удивлением Даос отметил, что он оставался совершенно спокойным, тогда как на остальных парнях лица не было.

– Вы действительно так о нас переживаете?

Даос недоуменно поднял брови.

– Просто я не совсем понимаю, откуда ваш «очень серьезный человек» мог узнать о нашем существовании и почему нас сейчас кто-то разыскивает. Ведь, если я правильно понимаю, по телефону Тюка разговаривал с вами, а значит никто, кроме вас...

– Все верно, – перебил его Даос, – но неужели вы думаете, что я мог поехать на эту встречу, не получив благословения того, на кого работаю?

– На какой срок мы должны исчезнуть из города? – все так же бесстрастно осведомился Ныш.

Даос усмехнулся. Реакция паренька ему очень понравилась.

– Чем дольше вас здесь не будет, – с улыбкой произнес он, – тем лучше. И чем меньше вы станете болтать, тем опять-таки будет лучше.

– Понятно, – кивнул Ныш, – спасибо за проявленное великодушие.

В последней фразе прозвучала откровенная ирония.

– Ну, раз всем все понятно, – невозмутимо попытожил Даос, – гасите лампы – и на выход. Мне ваше подземелье уже порядком осточертело.

Он развернулся на сто восемьдесят градусов и шагнул к двери.

Обратный путь оказался намного короче. Путать следы теперь не было необходимости. Во-первых, Даос с Плотником и так уже были сбиты с толку, а во-вторых, в свете произошедших событий их положение коренным образом изменилось. Из прощелыг, преследующих собственную выгоду, они превратились в благодетелей и защитников. Первым по коридору шел Тюка. За ним – Лёха с Бартом. Даос и Плотник посередине, а Ныш замыкал шествие. У всех (кроме, разумеется, Даоса и Юрия Алексеевича) оказались небольшие карманные фонарики, которыми и освещали дорогу.

Вопреки его недавнему публичному заявлению, подземелье Даосу чем-то даже понравилось. Нервозность, охватившая его во время поисков «Клуба», сменилась уверенностью и спокойствием. Не было больше и дискомфорта, который он поначалу испытывал, глядя на мрачные сырые стены. И хотя ощущение нависшей опасности не исчезло полностью, теперь Даос был настроен гораздо более оптимистично.

– Что думаете делать? – Он обернулся к Нышу.

– Еще не знаю, – ответил тот. – За всех говорить не буду, а я, скорее всего, сяду на поезд или автобус, и сегодня же ноги моей в Глахове не будет.

– Нервничаешь?

– Нет. – Ныш покачал головой. – Чего мне нервничать? С одной стороны, я ведь понимаю, что все далеко не так трагично, как вы нам представили. А с другой...

Он вздохнул.

– А с другой стороны, именно такой встряски мне, наверное, и не хватало.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Даос.

– Жизнь (*...про коту я говорю. Такая сволочь!..*) я имею в виду. Свою беспонтовую, никому не нужную жизнь. Уж кто-кто, а вы-то, Сергей Николаевич, должны понимать подобные вещи.

– Интересно, – усмехнулся Даос, – за кого ты меня принимаешь?

– За Сергея Николаевича Липутина, – невозмутимо ответил Ныш, – за кого же еще вас можно принять?

– Что-то ты темнишь. Какая встряска? И с какой это стати я должен тебя понимать?

– Не знаю, – двусмысленно ответил Ныш, – почему-то мне так кажется.

Некоторое время Даос шел молча. Не без интереса он отметил, что Ныш чем-то напомнил ему его самого, лет десять назад. Такой же самоуверенный, такой же вдумчивый и подчеркнута загадочный. С одной стороны, было ясно, что Ныш работает на публику, пытаясь произвести впечатление, а с другой... А с другой стороны, он действительно соответствовал тому образу, который пытался представить.

Даос улыбнулся. «Ну вот, – подумал он, – даже манера мыслить и изъясняться у нас в чем-то схожа. **С одной стороны**, конечно...»

– Тихо! Всем тихо! – раздался голос Тюки.

Фонарики разом потухли, все окружающее провалилось во тьму. Даос, пошарив руками, наткнулся на Плотника. Юрий Алексеевич напряженно сопел, прижимая дипломат к груди.

– Что случилось? – спросил Даос, обращаясь сразу ко всем.

Каким-то внутренним чутьем он понял, что они находятся возле того самого люка, через который спускались из «Клуба» в подземелье. Постепенно, когда глаза привыкли к темноте, он начал различать едва заметную полоску света слева от себя. Сверху доносился приглушенный шум. Не музыка, а что-то совершенно иное. Какие-то крики, гвалт, словно наверху завязалась нешуточная ссора.

– Что происходит? – повторил он свой вопрос, догадываясь, что подтвердились его худшие предчувствия.

– Не знаю, – засипел в ответ Тюка, – похоже на облаву.

В голосе его не было ни страха, ни растерянности. Скорее досада и раздражение.

– Какая еще, на хрен, облава? – подал голос Плотник. – Вы это... дурочку не валяйте.

Тюка, опустив крышку люка, в которую упирался головой, зажег фонарик и присел на ступеньку.

– Объясняю популярно. Наверх сейчас нельзя, так как наверху орудуют люди в масках.

– Какие еще люди? – заверещал Плотник. – Что ты тут нам впариваешь?!

– ОМОН или ФСБ, не знаю, – невозмутимо ответил Тюка.

Его недавняя неуверенность улетучилась, в голосе звучали командные нотки. Он снова почувствовал себя лидером.

– Насколько я понимаю, – вмешался Даос, – отсюда есть и другой выход.

– Есть, – согласился Тюка.

«Еще бы его не оказалось, – усмехнулся про себя Даос. – Судя по тому, какой ты спокойный, иначе и быть не могло».

– Ну, так пойдемте скорее, – сердито буркнул Юрий Алексеевич, – пока эти уроды сюда не вломились.

– Не вломаются, – заверил его Тюка, – уж сюда-то точно не вломаются. В принципе, мы можем никуда не ходить. До обеда перекантуемся здесь, а когда все уляжется, выберемся нормальным ходом, как белые люди.

– Вот что, белый человек, – осадил его Даос, – времени перекантовываться нету ни у вас, ни у нас. Вас, кстати, это касается в гораздо большей степени. Так что хватит умничать. Давайте, вперед и с (...басней...) песней.

Тюка, заметно помрачнев, поднялся и с явным недовольством побрел обратно в катакомбы. Вся процессия устремилась следом.

– Час от часу не легче, – вполголоса проворчал Юрий Алексеевич.

– Я думал, все будет гораздо хуже, – напомнил ему Даос, – или ты уже забыл чудиков, ошивавшихся перед «Клубом»?

В самом деле, не окажись этого подземелья и проходи встреча наверху, в «Клубе», как изначально предполагалось, и вся эта кутерьма могла закончиться совершенно по-другому. Или их обоих забарабали бы, или пристрелили, это уж как пить дать. Учитывая специфику их деятельности, последнее, кстати, гораздо более вероятно. Впрочем, ничего еще не закончилось. Еще успеют и забарабать, и пристрелить...

Очень скоро стены коридора заметно сузились, потянуло канализационной вонью. Во влажной темноте, разрезаемой вспышками фонариков, было слышно, как чертыхается Плотник. Несколько раз они проходили через большие квадратные комнаты с множеством узких продолговатых проемов в стенах. Судя по хлопанью под ногами, это было что-то вроде гигантских грязевиков. Оставалось только удивляться, как Тюка умудряется ориентироваться в этом запутанном переплетении коридоров, коллекторов и комнат. Даос уже давно потерял всякое представление о том, где они находятся. По его мнению, с одинаковой степенью вероятности они могли вылезти как с противоположной стороны пятиэтажки, так и на другом конце парка или даже города. Здравый смысл уступал место иррациональным представлениям о времени и пространстве.

В его голову лезли ассоциации с лабиринтами древнеегипетской цивилизации. И если б не тошнотворная вонь, вполне можно было бы вообразить, что они перенеслись на несколько тысячелетий назад. «По крайней мере, – рассуждал он, – я бы, наверное, нисколько не удивился, окажись на этих стенах петроглифы или криптограммы. До сих пор не могу поверить в реальность происходящего. "Люди не желают задумываться над тем, – *вспомнилась совершенно неожиданно цитата из Tagesa*¹⁴, – что треть жизни проводят во сне..."»

– Нуш, – позвал он, – долго нам еще здесь плутать? У меня уже крыша съезжать начинает.

Ему никто не ответил. Даос, почувствовав недоброе, обернулся. Позади никого не было.

– Вот черт!

Резко развернувшись, он шагнул вперед, с размаху налетев на бетонный выступ. Произошло что-то невероятное. Он стоял в темноте в полном одиночестве и только сейчас начал отда-

¹⁴ ...вспомнилась совершенно неожиданно цитата из Tagesa... – **Tarec (Tar)** – этруское божество, сын Гения, внук Юпитера. Мальчик по внешнему виду и мудрец по уму. Явился людям неожиданно: пахарь, работавший в поле близ города Тарквиний, увидел выскочившего из борозды Тагеса. На крик крестьянина сбегались этруски. Тагес обучил их искусству жрецов-гадателей. Поучения Тагеса были записаны в пророческие книги этрусков и переданы потомкам.

вать себе в этом отчет. Не было больше ни тусклого мельтешащего света фонариков, ни хлюпанья ног по илистому полу. Не было вообще ничего! Даос, не помня себя от ужаса, истошно завопил.

Вопль его унесся в пустоту, отскакивая эхом от стен. Он кинулся вперед, но тут же налетел на другой каменный выступ, да так, что едва не расшиб себе лоб. В области солнечного сплетения болезненно заныло. Даос вспомнил, что у него нет с собой ни спичек, ни зажигалки – все осталось в машине. Он привалился спиной к шершавой бетонной поверхности и медленно опустился на пол. Дрожащей рукой нащупал рукоятку пистолета под пиджаком. Достал оружие, издав при этом сдавленный смешок. Единственное, на что пистолет мог сейчас сгодиться, это пустить себе пулю в лоб. Или в рот. Или в ухо... Это, как говорится, дело вкуса.

«Все, – промелькнула мысль, – теперь-то мне точно крышка!..»

Syzygia – 8 FRIDAY, afternoon...

*Печальнее повести не было в мире подлунном,
Чем повесть о девке Ван Сю и купце Лао Бо:
Она запросила шесть фыней с купца за услуги,
А он дал ей в морду разок и три фыни всего.*

Владимир Белобров

– Хорошо. Бумаги я посмотрю сегодня вечером. Ваши координаты у меня есть. В понедельник я вам позвоню и сообщу о своем решении.

– Мне бы хотелось обратить ваше внимание на... – залепетал было Барский.

– В понедельник! – грубо оборвал его Гында.

Некоторое время Петр Владимирович задумчиво смотрел на закрывающуюся за Барским дверь, затем встал из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету. Настроение у него было довольно паршивым. Как ему хватило сил выслушивать болтовню этого идиота в течение целого часа, оставалось загадкой. Впрочем... Скорее всего, таким необычным образом он просто-напросто позволил себе расслабиться, отвлечься от мучавших его мыслей. Да, пожалуй. Слушая Барского, на самом деле он отдыхал. Вчерашний день и проведенная вслед за ним бессонная ночь здорово расшатали нервы. *Если бы не кофе, в который он по старой привычке добавлял несколько капель первитина*³⁷, сегодня запросто могла бы слететь с плеч не одна голова.

В сотый раз за день Петр Владимирович подошел к окну и уставился на улицу. Во дворе, куда выходило окно его кабинета, все оставалось по-прежнему. Та же песочница на детской площадке, в которой возились несколько ребятишек, те же полусонные старухи на скамеечке у подъезда соседнего дома, те же неподвижные тополя. При виде этой унылой однообразной картины в душе у Петра Владимировича начала закипать ярость. С каким бы наслаждением он

³⁷ ...если бы не кофе, в который он по старой привычке добавлял несколько капель первитина... – **Первитин** (d-methamphetamine, в просторечии «винт») – наркотик, распространенный в студенческих кругах, а также среди интеллектуалов. Оказывает сильнейшее стимулирующее действие на центральную нервную систему. При употреблении больше 2–3 раз вызывает сильную психологическую зависимость. Толерантен при частом употреблении. Первитин – название по происхождению немецкое. Этот препарат пользовался в Германии большой популярностью, в том числе и в войсках – таблетки первитина официально входили в «боевой рацион» летчиков и танкистов. Популярностью он пользовался и среди вождей Третьего рейха (вкуче с кокаином). В частности, Адольф Гитлер получал инъекции первитина от своего личного врача (д-ра Теодора Морелла) начиная с 1936 г., а после 1943 – по несколько раз в день. Доза доходила до 10 таблеток первитина в сутки. В СССР первитин применялся в психиатрической практике (1940-1960-е гг.) для лечения таких болезней, как нарколепсия (болезнь, при которой человек все время ощущает себя вялым и сонным). Также применялся для лечения депрессий различного происхождения, до появления первых антидепрессантов (ингибиторов МАО). **ПЕРВИТИНОВОЕ ОПЬЯНЕНИЕ:** «...Картина опьянения напоминает эфедриновое [Битенский В. С., 1987]. При первых употреблении через 10–15 мин. возникает своеобразная эйфория-прозрение; все окружающее приобретает необыкновенную ясность и красочность, появляется чувство приятного телесного комфорта. Через полчаса-час наступает гипоманиакальное состояние, сходное с эфедриновым опьянением. Подъем настроения сочетается с выраженным повышением активности, уверенностью в себе, своих силах и возможностях. Появляется ощущение, что в голову приходят особо важные и проникновенные мысли, а собственные решения кажутся весьма удачными и умными. Все, что ранее представлялось запутанным и непонятным, приобретает ясность. Продолжительность опьянения – до 8-10 ч. Постинтоксикационное состояние ("выход") проявляется дисфорией с раздражительностью, озлобленностью, мрачной тоской, подозрительностью. Однако на фоне дисфории постепенно все более проявляются астения, вялость, адинамия, апатия. После первых же злоупотреблений в постинтоксикационном состоянии возникает неодолимое влечение к повторному введению препарата, поэтому зависимость развивается быстро. По мере продолжения злоупотребления период "подъема" сокращается и быстрее сменяется постинтоксикационной дисфорией и астенией...» (Личко А., Битенский В. Учебник по наркомании для подростков.)

придушил этих перепачканных слюнявых гаденышей в песочнице, с каким бы удовольствием вздернул престарелых заспанных клуш на ближайшем тополе! А еще лучше – сбросить в этот опостылевший двор бомбу, чтобы уничтожить всю эту мерзость разом!

Стиснув зубы, он отошел от окна. Взглянул на часы. Половина первого.

Мысли в уставшей голове покатались по наезженным дорожкам. За два дня шлепнули двух его лучших курьеров. И если во втором случае дипломат, который вез курьер, так и остался лежать возле тела, то вчерашняя проблема до сих пор не была решена. Оставалось совершенно неясным, кто и с какой целью убивает его людей. Очевидно одно – не ради груза, который те сопровождали. Первый кейс, по всей видимости, пропал совершенно случайно. Его перехватили какие-то отморозки уже после того, как Питон был расстрелян. Досадное недоразумение, пустяк, на который вполне можно было бы закрыть глаза, если бы не факт, что местоположение пропавшего дипломата до сих пор не было известно. Как, впрочем, неизвестно и то, на чьей все-таки совести висит два трупа.

– Ч-черт! – усевшись обратно за стол, Гында обхватил голову руками.

Смешно, но он никак не мог решить, о чем же ему следует волноваться больше – о пропавшем кейсе или о загадочном киллере. А ведь все так хорошо шло! Только-только он окончательно разделался с Сандаловым и полностью взял под контроль сеть филиалов Реабилитационного Центра, только-только начал зарабатывать себе позитивный имидж, и нате вам! Того и гляди, все разом полетит коту под хвост. Все деньги, потраченные на эту сраную благотворительность, вся работа по перетягиванию на свою сторону влиятельнейших людей города. Всё! Стоит лишь попасть пропавшему дипломату не в те (...или, напротив, в *те*?!.) руки.

Взгляд его упал на оставленный Барским бизнес-план. «Литературно-издательский проект», как тот его называл. Гында поморщился. С этим полудурком он связался опять-таки только ради рекламы. Хотя, что из всего этого может получиться, реклама или антиреклама, тоже вопрос спорный. Мнит он себя, писака задрипанный, не бог ведь кем, этого у него не отнять. То, с каким упорством Барский пытается протолкнуть свою писанину, в какой-то мере даже заслуживает уважения. Другой вопрос, чего эта писанина стоит на самом деле. Отклики из Союза писателей были не самыми лестными... Впрочем, какая разница! «Моя цель – засветиться в качестве спонсора, активно поддерживающего местные дарования, развивающего отечественную культуру, а что представляют собой эти дарования, это уж пускай комитет по борьбе с молодежью решает или Министерство культуры...»

– Петр Владимирович, – раздался из переговорного устройства голос секретарши, – вас здесь ожидают Липутин с Шиловым. Говорят, вы их вызывали.

– Они в приемной? – нехотя поинтересовался Гында, ощупывая снова начинающую гудеть голову.

– Да... сидят...

Посмотрев на часы, Петр Владимирович с удивлением отметил, что после ухода Барского прошло больше часа.

– Пусть сидят. – Он развернулся вместе с креслом, взял кофейник и, налив себе маленькую чашечку, принялся капать в нее из темного пузырька. – Вызову, когда понадобятся...

– Хорошо.

Динамик переговорника умер.

Гында, влив в себя «взвинченного» кофе, поднялся и снова начал рассказывать по кабинету. Мало-помалу гудение в голове стихло, желание повалиться на стоявший у стены кожаный диван и уснуть заметно ослабло.

«Липутин... – думал он, хмуря брови. – Не нравится он мне что-то в последнее время. Он и раньше-то был с придурью, а теперь и вовсе... того. Или мне только кажется?.. Ладно, потом разберемся. А вот Плотника от него, наверное, будет все-таки лучше убрать. Испортит он мне парня своей даосской херней. Плотника убрать, а к нему поставить Бапыча или Лаптя...

А?.. Или, того лучше, Басурманова!.. – Гында почесал подбородок. – Нет, Басурманова, это уже перебор. Шлепнет он мне его где-нибудь, а потом скажет, что так и было... Ладно, это не срочно. Сейчас есть дела и поважнее...»

Он подошел к окну. На сей раз картинка по ту сторону пуленепробиваемого стекла изменилась. Песочница опустела, старухи суетливо собирали разложенные на скамейке подстилки и подушечки, в спешном порядке стаскивая свое тряпье в подъезд. Ветер, пригибая тополя, гонял по двору облака пыли. Стемнело. По всей видимости, надвигалась гроза. Равнодушно отметив этот факт, Гында повернулся к окну спиной. Жара, висевшая над городом почти неделю, его совершенно не трогала. Обложенный со всех сторон самыми современными кондиционерами, свой микроклимат он создавал для себя сам.

«Итак, курьеры... – размышлял он, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома. – Курьеров кто-то мочит. Кто и зачем – не ясно. Далее... Пропал дипломат, который вчера должен был доставить Питон. Дипломат отсутствует уже больше суток, и в чьих он сейчас руках – тоже не ясно. Весь город стоит на ушах, все мои люди задействованы, но результат по-прежнему нулевой... Уравнение с двумя неизвестными... Что делать? Кто виноват?.. И кому я буду должен отвесить звездюлей за весь этот балаган?.. Мм... да...»

Чувствуя, что засыпает, Гында помотал головой. Даже «винт», и тот уже не помогал. Подошел к столу и нажал кнопку переговорного устройства.

– Мариночка, – сказал он, – принеси мне, милая, свежего кофе и бутербродов.

Секунду помедлил и добавил:

– Эти – там?

– Да, – ответила секретарша. – Через три минуты все будет готово.

«Золото, а не девка! – ухмыльнулся он про себя. – С полуслова понимает. Умел Сандалов кадры себе подбирать, этого у него не отнимешь. Не был бы таким упертым, до сих пор бы в этом кресле сидел... Впрочем, вряд ли. Это кресло я с самого начала для себя готовил. Да и надоел он мне хуже горькой редьки. А вот кого сюда посадить, когда сам я в мэрское кресло пересяду, об этом подумать стоит! Если только выборы они мне не прогадят... С-сволочи!»

Он взял со стола последний выпуск «Глаховского вестника». Нахмурился. «Хроника необъявленной войны», – гласил заголовок на первой странице. – «А. И. Колпаков против П. В. Гынды».

Далее шло:

«...В ночь с 17 на 18 мая повсеместно на территории Центрального избирательного округа была в огромном количестве распространена и расклеена еще одна "чернушная" анонимная листовка, направленная против Петра Владимировича Гынды. Ее неизвестные авторы не потрудились придать содержащейся в ней информации даже минимальное правдоподобие. Война имиджмейкеров, "черных" технологов и их заказчиков против глаховских избирателей продолжается...»

«Идиотское начало! – ругнулся он про себя. – Надо было Плотника на это дело поставить. Он, кажется, раньше работал по этой части в Москве. И очень даже неплохо, насколько мне известно. А здешняя деревенщина... Да разве это журналисты!..»

«...На пресс-конференции семи кандидатов, несогласных с включением их газетами "Провинция" и "Глахов-Экспресс" в так называемый "список сторонников Колпакова", Петр Владимирович Гында решительно заявил: "Колпаков – зло для города! Я знаю отрицательное мнение о нем и его деятельности подавляющего большинства моих избирателей. Я разделяю это мнение..."

...Среди избирателей округа Петра Владимировича Гынды неустановленными лицами распространен противозаконный "грязный" агитационный материал, порочащий честь, достоинство и деловую репутацию Петра Владимировича...

...Одна из лояльных А. И. Колпакову газет назвала Петра Владимировича среди "эталонных представителей группы прямых родоначальников и проводников политики капитализации экономики области и края", а также использовала стандартное обвинение в "дружбе с Чубайсом"...»

Далее все в том же роде. Заканчивалась статья словами:

«...Страсти накаляются. Каждый день – новый бой, новое кровопролитие. То ли еще будет?...»

Дочитав, Гында безразлично отложил газету в сторону. «Бездарно, что тут еще можно сказать. Бездарно и глупо. А про кровопролитие, так это вообще ни в какие ворота!.. За что я им только деньги плачу?! Впрочем, на лучшее я и не рассчитывал. Ладно, хоть что-то делают. И на том спасибо. Эх, как же эти убийства сейчас некстати! Ну прямо как специально, честное слово!..»

Дверь приоткрылась, в кабинет вошла секретарша. В руках она несла поднос, на котором красовались кофейник и прикрытая стеклянным колпаком тарелка с бутербродами (по всей видимости, только что из микроволновки). Она выставила все это перед Гындой и улыбнулась.

– Чего они там делают? – поинтересовался тот, не меняя ни позы, ни выражения лица.

– Сидят, – пожала плечами девушка.

Улыбка ее несколько поблекла.

– Просто сидят, и все?

– Просто сидят. О чем-то перешептываются.

– О чем?

Девушка снова пожала плечами. Улыбка с ее лица исчезла полностью.

– Ладно, – кивнул Гында, – иди. Да, и забери старый кофейник вместе с этой вот... херовиной.

Он кивком указал на стеклянный колпак, которым была прикрыта тарелка. Девушка поставив указанные предметы на поднос, вышла, оставив после себя легкий запах лесной фиалки (...или это от «винта»?.. Ч-черт!..). Как только дверь за ней закрылась, Гында схватил бутерброд и впился в него зубами. Одновременно свободной рукой он налил себе свежего кофе. Достал пузырек, намереваясь накапать обязательные пять капель, но в этот момент заверещал телефон. Чертыхаясь, он снял трубку, с усилием проглатывая непрожеванный кусок.

– Флушаю! – проглотил остатки бутерброда. – Слушаю! Да!..

– Петр Владимирович? – поинтересовалась трубка хриплым голосом. – Это я, Вовчик.

– Чего?! – зарычал Гында. – Какой еще, на хрен, Вовчик?!

– Да, Вовчик! Синий!

Синий был одним из его «тайных осведомителей». Законченный синяк и отпетый уголовник. Правда, информацию иногда подкидывал дельную. За что его и держали. Вернее, терпели.

– А-а... Синий, – несколько смягчился Гында. – Ну и что скажешь?

– Ваш кейс светанул сегодня на Кузнецовском Валу. Дом шестнадцать, квартира тридцать четыре.

– Так! Стоп! Что значит «светанул»? Когда?!.

– Этим утром. Шкет какой-то с ним вырисовывался. Судя по описанию, дипломат ваш.

– Ну?!.

В трубке растерянно засопели.

– Это все. Больше я не в курсе. Вы лучше пошлите туда кого проверить, а?..

Было слышно, как на том конце провода кто-то закукарекал. Отчетливо и с надрывом. Гында озадаченно посмотрел в трубку.

– Ты звонишь-то откуда? Из курятника, что ли?

– Не-е, – испуганно начал оправдываться Синий, – это у соседки, суки, за стеной петух орет. Он у ней живет. Она его в ванне держит, к октябрьским праздникам растит...

– Ладно, – перебил Гында, – молодец!

Он повесил трубку и устался на входную дверь. Кузнецовский Вал... Так, так, так... Да это не писателишка ли наш, случаем?!. Он выхватил из внутреннего кармана записную книжку, нервно начал перелистывать страницы. «Барский, Барский... Ага! Кузнецовский Вал, 16–34. Что б я сдох!.. Так и есть. Ну Шекспир! Ну сволочь!.. И ведь появился ко мне сегодня, как ни в чем не бывало. Мм... да... Недооценил я вас, Алексей Николаевич, на мне грех...»

– Марина! – рявкнул он в переговорное устройство. – Этих двоих живо ко мне!

«Ну, что ж. Будем принимать меры. Безнаказанно так нагло меня еще никто не накалывал. Ни одна живая сволочь! Будут вам, Алексей Николаевич, деньги на книжку. *Будет вам и "Большой Букер" и "Малый"*³⁸. Ты у меня попрыгаешь, гаденыш такой! Ох попрыгаешь, попомни мое слово!..»

Первым в дверь кабинета протиснулся Плотник. Как обычно, нагло улыбающийся, готовый в любую минуту отвесить одну из своих идиотских шуточек. Увидев Гынду, он осклабился еще шире и с непередаваемой шутовской интонацией молвил:

– З-здрас-с-сьте, Петр Владимирович!

«Дать бы тебе, дураку, в зубы как следует», – подумал Гында. Впрочем, довольно беззлбно.

– Вызывали?

Следом за Плотником вошел Даос. Невозмутимо спокойный и задумчивый, вот только несколько бледнее, чем обычно. Он аккуратно прикрыл за собой дверь и выжидательно посмотрел на Гынду, не произнеся при этом ни единого слова. «Хорошая парочка, – отметил про себя тот, – жалко будет их разделять... Впрочем, это мы еще поглядим. Это еще вопрос не решенный». Выждав с полминуты, он кивком разрешил им сесть. Еще с минуту буравил взглядом, переводя его то на одного, то на другого. Наконец остановил взгляд на Даосе.

– Случилось что-то серьезное? – поинтересовался он притворно ласковым голосом.

Даос сию же секунду изобразил на лице удивление, словно в упор не понимал, о чем идет речь.

– Я спрашиваю, разве Дудник тебе не звонил ночью? – Гында повысил голос. – Разве ты не должен был подъехать в «Золотой выстрел»? Или я во что-то не врубаюсь?!

– Петр Владимирович... – начал было Даос.

– Что «Петр Владимирович»?! – заорал Гында. – Где ты был, я тебя спрашиваю! Чем вы вообще занимаетесь вторые сутки подряд?! Где кейс? Почему до сих пор не поймали этих ур-родов?!.

³⁸ ...будет вам и «Большой Букер», и «Малый»... – Первоначально Букеровская премия была учреждена как российский аналог «Booker Prize», ежегодно присуждаемой в Великобритании за лучший англоязычный роман. Русская Букеровская премия каждый год присуждается за лучший роман, написанный и опубликованный по-русски. Источники финансирования за время существования премии менялись. До недавнего времени премия вручалась из средств компаний «United Distillers & Vintners» (США) и «Booker plc.» и официально называется «Smirnoff-Букер». Состав жюри ежегодно меняется. Он формируется в соответствии с определенными принципами, например, в него должен входить один представитель другого вида искусства (не литературы). **Краткая зарисовка:** «...*"Букер" считается одной из самых престижных литературных премий. В разное время в нашей стране ее лауреатами были Марк Харитонов, Михаил Битов, Булат Окуджава. Премия "Букер" составляет 12,5 тысячи американских долларов. Ежегодно она вручается автору лучшего, по мнению жюри, романа, который был написан на русском языке и издан именно в этом году. Еще пяти финалистам присуждается премия в тысячу долларов. Впрочем, российский "Букер", несмотря на престиж, все равно не может изменить судьбу писателя кардинально. За 10 лет не удалось прийти к тому, чтобы победа гарантировала тысячные тиражи. Это, пожалуй, единственный и главный минус русского "Букера". Но его организаторы намерены исправить ситуацию. Уже весной они встретятся с книгоиздателями, чтобы договориться о сотрудничестве. Если удастся, то, возможно, русский "Букер" сможет конкурировать не только с африканским, но и даже с британским собратом.*» (REN-TV, 7 декабря 2001 г.)

– Петр Владимирович, – спокойно возразил Даос, – на место, которое вы нам указали, «эти уроды» не явились.

– Что значит – не явились?

– Не явились, – пожал плечами Даос.

– Угу! – кивнул Плотник. – Зря только проторчали там целых два часа.

– Однако, несмотря на это, – Даос сделал ударение на последнем слове, – мы все же сумели вычислить и перехватить одного из них.

– Вот как? – ухмыльнулся Гында. – Ну и где же он?

– Там, где ему и положено быть, – на дне глаховского пруда.

– С простреленной башкой, – ввернул Плотник.

– Ага?.. – Гында нервно забарабанил пальцами по крышке стола. – А я вас просил об этом?

Даос и Плотник недоуменно переглянулись.

– Я вас за чем посылал, за дипломатом или за трупом? А?!. Где кейс? Почему я его до сих пор не вижу?

– Петр Владимирович...

– Вы же идиоты! Вам же простого дела доверить нельзя. Вы ведь только и можете, что бошки сносить да руки ломать. А еще небось интеллектуалами себя считаете. Интеллигентами. Или нет?

Он уставился на Плотника. Тот поежился.

Гында, заложив руки за спину, подошел к окну, за которым всю бушевала гроза. Мутные потоки воды стекали по оконному стеклу. Вспышки молний то и дело чертили небо. *Перун обрушивал на Глахов всю свою ярость*³⁹.

– Значит, так, – не поворачивая головы, заговорил Гында. – Поедете сейчас на Кузнецовский Вал, навестите одного моего знакомого. Мне плевать, что вы с ним станете делать, но, если к вечеру дипломат не будет лежать у меня на столе, можете считать, что вы оба **уволены**. Ясно?!

Он резко развернулся, пытаясь придать своему лицу яростное выражение.

– Ясно, – вздохнул Плотник. – Я только не пойму, почему это мы всегда крайними оказываемся...

– Работаете потому что хуёво! – заорал Гында.

– Не хуже других! – огрызнулся Плотник, отводя глаза.

– Вот адрес, – склонившись над столом, Гында быстро нацарапал на листе бумаги координаты Барского, – и вытрясите из этого пидора все, что он знает. Вечером дипломат должен быть у меня!

Он передал бумагу Даосу.

– Все! Можете топать.

– Эх-хе-хе, – закричал Плотник, поднимаясь с дивана и устремляясь к выходу. – Час от часу не легче...

Даос вышел из кабинета молча. Гында нахмурился, посмотрев ему вслед. «Нет, – решил он, – разделить их все-таки надо. И сделать это нужно как можно скорее. А Даоса... А от Даоса вообще было бы неплохо избавиться. Не нравится он мне в последнее время. Ну о-очень не нравится!...»

³⁹ ...*Перун обрушивал на Глахов всю свою ярость*... – **Перун** – древнеславянский бог грома и молнии. Считался покровителем князя (...*Гында*?) и его дружины (...*Плотник*, *Даос*?..). Утвердившись в Киеве в 980 г., князь Владимир Святославович пришёл к выводу о необходимости утверждения на Руси единобожия и попытался учредить общерусский языческий пантеон во главе с Перуном. Реформа с треском провалилась, и в 988–989 гг. происходит крещение Руси и принятие пришедшего из Византии христианства.

* * *

Из кабинета они вышли с чувством невероятного облегчения. На сей раз гнев повелителя грома и молний оказался не таким страшным, как ожидалось. Измотанный и уставший, Гында был просто не в состоянии уделить им должного внимания. Под грузом свалившихся на него проблем он орал и требовал невозможного только для виду, сам отлично понимая, что всё, что в их силах, Даос и Плотник и так делают. Обойтись же совсем без наездов и ору он не мог в силу специфики своей натуры.

– Ну что, – веселился Плотник, похлопывая Даоса по плечу, – пронесло на сей раз, а!

– Рано радуешься, – хмурясь, отвечал тот, – он на нас еще вечером отыграется. Или завтра утром.

– *Да чихал я на вашего эцилоппа!*⁴⁰ – продолжал резвиться Юрий Алексеевич. – Думаешь, я его боюсь? Да ни фиги подобного!

– Ну-ну... – косомордился Даос, с трудом скрывая улыбку. – Если только захочу, и луну я проглочу.

– И проглочу!

– Не подавись, смотри. А то потом вози тебя по больницам...

Они миновали приемную, продолжая упражняться в остроумии. Кабинет Гынды располагался в самом дальнем конце офиса. Очевидно, блуждание по длинному извилистому коридору, освещенному настенными светильниками в древнеримском стиле, должно было настроить посетителя на некий торжественный лад. Впрочем, к Даосу с Плотником это не относилось, так как ходить здесь им доводилось довольно часто, и ничего, кроме раздражения, подобные прогулки не вызывали.

– Понагородил черт знает чего! – ругался Юрий Алексеевич. – Честное слово, только эсэсовцев в форме на каждом повороте и не хватает.

– Да уж, – кивнул Даос. – Пока генеральным был Сандалов, хоть приемной этой дурацкой не было. Стучишь, заходишь без всяких церемоний. Да и мужик он был ничего, не в пример этому уроду.

– А куда он делся?

– Кто? Сандалов? Понятия не имею. Сожрал его Гында, а сам на его место уселся. Ты погоди, вот выберут его мэром, даст он тогда нам просрать. И не только нам. Вся область на ушах стоять будет, попомни мое слово!

– Слушай, – оживился Юрий Алексеевич, – а зачем ты ему про Лёху рассказал? Застрелили, утопили... Тебе не кажется, что мы теперь у него на крючке? Он же нас теперь, чуть что, легавым сдать может за нефиг-нафиг!

– Не думаю, мой наивный чукотский товарищ, – усмехнулся Даос. – Проще и безопаснее будет отправить нас за Лёхой следом. И вообще, какого ж ты мне тогда поддакивал, раз такой умный, а?

Юрий Алексеевич пожал плечами:

– Ты же у нас главный, тебе виднее, как с ним лучше всего беседу держать.

– Вот и не задавай тогда идиотских вопросов!

– Убедил, не буду.

⁴⁰ ...да чихал я на вашего эцилоппа! – И снова цитата из фильма Георгия Данелии «Кин-Дза-Дза». Сравн. в фильме: **Скрипач:** Давайте, я барабанить буду. **Женщина:** Как? **Скрипач:** Там-тыдибидидим-тидибидидам-тидиби – дам- дам- тибиди... **Женщина:** Прораб! Скрипач не нужен! **Дядя Вова:** Ничего, он не помешает. Дай нам водички попить, а? **Женщина:** Я же сказала, после выступления. **Скрипач:** А мы бы и так могли взять. Силой. Тогда бы ты у нас просила. **Женщина:** О-о! Дотронешься – эцилопп прилетит, ноги выдернет. **Скрипач:** Да чихал я на вашего эцилоппа! **Дядя Вова:** Спокойно, Скрипач, не раздражай даму... Согласно «Краткому Чатлано-Пацакскому словарю», эцилопп является представителем власти.

Как и Гында, Даос бодрствовал уже вторые сутки, а потому настроение у него было довольно паршивым. Раздражение сменялось приступами истерического веселья и наоборот. Хотелось спать, хотелось выпить и совершенно не хотелось никуда ехать. Тем более по поручению Гынды. Он отчетливо представлял, как они вламываются к незнакомому им человеку, как начинают вытрясать из него совершенно нелепые признания, требовать этот долбаный дипломат, который лично им нужен не больше, чем ёжику табуретка... Как этот бедолага от всего отрешивается, а они начинают его запугивать, угрожая лютой расправой.

Плюс ко всему этому в сознании то и дело вспыхивали мысли о Наде. Что с ней? Жива ли она? Как теперь станут складываться их отношения?... Несколько раз он хватался за телефон, но позвонить в больницу так и не решился. Боялся услышать, что ее больше нет... Словом, поводов для недовольства и раздражения было более чем достаточно. Поэтому, когда Плотник вдруг сообщил, что ему срочно необходимо в сортир и, схватившись за живот, припустил по коридору в обратном направлении, Даос вздохнул с облегчением. Побывать несколько минут одному было сейчас очень даже кстати.

Когда он вышел на улицу, дождь кончился. На лужах еще не прошли пузыри, а в небе уже светило солнце. От асфальта поднимался пар. С деревьев и крыш капало. Радостно щебетали птицы. Даос, обогнув огромную лужу, перебежал дорогу, забрался в машину и закурил. Дверцу он оставил открытой, с наслаждением вдыхая насыщенный озоном воздух. Откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. В голову полезли мысли. И господи, как не хотелось никуда ехать!

«Странно, – думал он, погружаясь в состояние полудремы, – мне всегда казалось, что своей судьбой человек распоряжается сам. Сам определяет, что ему нравится, а что нет, чем бы он хотел заниматься, а за что не взялся бы никогда в жизни. Даже ишача на Гынду, я ощущал себя свободным и независимым. А ведь все это чепуха! Элементарный самообман, бред сивой кобылы! Мы не только не знаем, чего мы хотим, но в большинстве случаев вынуждены подчиняться внешним обстоятельствам помимо собственной воли. И дело здесь даже не в деньгах. Дело в том, что между мечтами, желаниями, планами с одной стороны и реальными возможностями с другой лежит непреодолимая пропасть.

Взять, к примеру, Плотника. Мыслитель, интеллект, личность во всех отношениях самодостаточная и уверенная в себе... На словах! А на деле все наоборот. Говорит и думает одно, делает совершенно обратное. Причем каждый раз искренне, с каким-то самозабвением верит в свои утопические бредни. Рассуждает о высших материях, а сам с иглы соскочить никак не может. Не смешно ли?... И какого, спрашивается, дьявола этот недоумок бросил журналистику?! Неужели ему не ясно, что у Гынды он не имеет никаких перспектив на будущее?... Впрочем, мне это тоже ясно, а вот поди ж ты!..»

Даос несколько раз глубоко затынулся, не открывая глаз, и выкинул окурочек на улицу.

«А если все-таки как следует разобраться, чего мы, в конце концов, хотим от этой несчастной жизни? Чего хочу **лично я**? Уважения, денег, возможности удовлетворить любую свою потребность?... Разумеется! Этого желает любой нормальный человек. Но суть вопроса не в этом. Что нужно мне для того, чтобы почувствовать себя по-настоящему счастливым? Чтобы раз и навсегда избавиться от этой вечной неудовлетворенности, от этих вопросов, от всего того, что мешает жить и радоваться? Просто жить и просто радоваться!.. Что нужно?!.. Забыть о высшем предназначении Человека? Отказаться от поисков Смысла? С головой окунуться в бытовой круговорот, в погоню за деньгами, комфортом и престижем? ЧТО?!.. Ведь если вопрос о Смысле пришел к тебе, если он возвращается снова и снова, то... То что?..»

Непонятно почему Даосу вспомнился тот чудик, которого они сегодня подвозили. Барский, кажется. Да, точно! Барский. Про него еще Макс одну из своих идиотских историй рассказывал. Писатель... Вот бы у него спросить «что?» да «как?». Хм... В самом деле, а почему

бы и нет? Почему бы мне с ним не встретиться и не поболтать? Посидели бы, выпили, как следует... Дом я его запомнил, подъезд тоже...

Стоп!

Даос открыл глаза и выпрямился. Судорожно принялся шарить по карманам в поисках бумажки с адресом, которую всучил ему Гында. Нашел, быстро развернул и прочитал. Так и есть! Кузнецовский Вал... Черт побери! Дом 34, квартира 16. Номер дома не помню, а квартира, если судить по подъезду... Квартира вполне может оказаться шестнадцатой. Если на площадке по четыре двери, то может. Он взглянул на часы. Прошло уже более двадцати минут, как они вышли от Гынды. Мать твою за ногу, что можно делать в сортире целых двадцать минут?!

Даос, чертыхаясь и проклиная Плотника всеми известными ему проклятиями, вылез из машины, захлопнул дверцу и направился обратно к офису. Хмуро кивнул охраннику у входа. Машинально расстегнул ремешок кобуры под пиджаком и устремился в сторону туалета.

Сверкающее зерКАЛами и кафелем испражнялице встретило его гробовым молчанием. Он достал пистолет, предчувствуя недоброе. Медленно двинулся вдоль стены, повернувшись лицом к кабинкам. Первая, вторая и третья оказались пустыми. Дверцы в них были открыты. Даос, осторожно приблизившись к четвертой, предпоследней, на мгновение задержался, затем ухватился за ручку двери и с силой рванул ее на себя.

Как он и рассчитывал, хлипкий шпингалет не выдержал. Раздался хруст. Взору его открылось непередаваемое по своей выразительности зрелище. Со спущенными штанами, привалившись головой к боковой перегородке, Плотник сидел на унитазе и... спал. Разбуженный треском вырываемого шпингалета, он дернулся, вытаращиваясь сонным, ничего не соображающим взглядом. Плюнув, Даос отошел в сторону.

– Чего?.. – донеслось из кабинки. – Чего?!.

Юрий Алексеевич, придерживая руками полуспущенные штаны, выглянул наружу. Глаза его все еще оставались бессмысленными и мутными.

– Ты сюда спать пришел или гадить? – с трудом сдерживая раздражение, поинтересовался Даос.

– А, черт! Сам не заметил, как отрубился.

– Я, между прочим, тоже не спал. Однако по сортирам не гашусь, как видишь.

– Да не в этом дело! – огрызнулся Плотник. – Ломает меня, неужели неясно?! То трясет, как гада, то в сон выщелкивает в самый неподходящий момент. У тебя «релашки» нету?

– Нету. А я думал, на отходняках бессонница долбит.

– Кого как, – ответил Юрий Алексеевич, – это от организма зависит. Днем сонница, ночью бессонница... О-ой, ну и херово же мне! Сейчас бы пива...

Он вышел из кабинки, демонстративно застегнул ширинку и, подойдя к раковине, открыл воду.

– Дверь-то зачем ломать было? – спросил он, намыливая руки. – Мог бы и постучать.

– По башке тебе постучать! Ты знаешь, к кому он нас послал?

– К кому? – Без особого интереса отозвался Плотник.

– К Барскому!

– К какому еще Барскому?

– Которого мы сегодня до дома подвозили.

– А-а... Это постмодернистичка тот? – закрыв воду, Юрий Алексеевич сунул руки под сушилку. – Ну и что?

«В самом деле, – усмехнулся про себя Даос, – и что?..»

Равнодушие Плотника в какой-то мере его охладило.

На этот раз Плотник был прав. Вернее, последователен. Кто такой для них этот Барский? Да никто! Ну подвезли они его, ну поболтали по душам, что с того? Разве это их к чему-

то обязывает? Разве после этого он стал для них приятелем или другом? Заурядное задание, совершенно посторонний человек... И все-таки на душе было как-то пакостно.

В сотый раз за сегодня он вспомнил о событиях вчерашнего вечера. Гора, лес... Пещера... Разговор в ресторанчике и таинственный гуру... Все это было настолько невероятным, что ни он, ни Плотник с тех самых пор не обмолвились ни единым словом о произошедшем. Оба вели себя так, будто не произошло ничего необычного. Вообще ничего! Несколько раз Даос порывался заговорить об этом, но что-то его удерживало. По всей видимости, нечто подобное творилось и с Плотником. Во всяком случае, вглядываясь сейчас в его лицо, Даос видел на нем отображение собственных мыслей, растерянности и неуверенности.

– Ну что, – сказал он, – так и будем молчать?

Юрий Алексеевич вздрогнул.

– Ты о чем? – Глаза у него забегали.

– Как думаешь, а может, все это нам просто приснилось?

– Обоим сразу? И рис, прыгающий по столу, и старикан этот заумный со своим подмастерьем?

– А почему бы и нет?

– А почему бы в таком случае не предположить, что мы и сейчас спим?

– Нет, – прищуривая левый глаз, возразил Даос, – это исключено! Заснуть, находясь во сне, невозможно.

– В смысле?

– В том смысле, что ты, сидя на горшке, дрых самым бессовестным образом. А как можно спать, находясь во сне?

– Во-первых, можно! Со мной такое уже бывало. Сплю, просыпаюсь, иду на кухню. Наливаю вина... В этот момент снова просыпаюсь и понимаю, что поход на кухню мне только снился. Просыпаюсь, иду на кухню, наливаю вина... Опять просыпаюсь и снова понимаю, что видел сон. И так раза четыре подряд!

– Хм, впечатляет.

– Это во-первых, а во-вторых... А во-вторых, тебе-то откуда знать, что ты сейчас находишься не во сне?

– То есть?.. – в свою очередь удивился Даос.

– Ведь это я спал, сидя на горшке. А ты просто наблюдал меня со стороны. Тебе что, ни разу не доводилось видеть во сне кого-нибудь спящим?

Юрий Алексеевич захихикал.

– И вообще, – добавил он, – как-то странно тебя перекидывает с темы на тему. При чем здесь Барский и наше вчерашнее приключение? Что-то я не улавливаю между двумя этими событиями никакой логической связи.

– Не знаю, – пожал плечами Даос, – может, и ни при чем. Так, подумалось просто...

– Вообще-то, в чем-то ты прав, – уже в машине продолжил разговор Юрий Алексеевич. – Я и сам не перестаю удивляться всему, что произошло. И знаешь, что интересно, я целый день сегодня словно бы **вспоминаю** вчерашнее. Именно вспоминаю, так как в какой-то момент оно напрочь стерлось из памяти!

– Угу, – кивнул Даос, заводя мотор, – со мной та же беда. Вспомню и тут же сам себе удивлюсь: если это правда, то как же я мог **такое** забыть?!

– Во-во!..

Какое-то время ехали молча, каждый на свой лад пытаясь осмыслить случившееся.

– А что касается Барского, – заговорил Юрий Алексеевич, – то, может, оно и к лучшему, что нас к нему послали. Именно нас, а не Бапыча, например, или Тарэна.

– Да уж, – кивнул Даос.

– Если честно, мне и самому этот Барский ничего показался. Нормальный мужик. В себе только какой-то неуверенный да малость нервный, а так ничего. Надо будет что-нибудь почитать из его нетленок.

– Вот сейчас прямо и попроси. Скажи, так, мол, и так, гони, гад, дипломат, а заодно и какую-нибудь из своих книжек. Или где он там печатался, в журналах? Гони, сволочь, журнал!

Плотник вздохнул:

– Чем он Гынду прогневить-то умудрился, вот я чего не пойму.

– Настучал кто-нибудь, – сквозь зубы процедил Даос.

– Думаешь... он на самом деле имеет к этой заварушке какое-то отношение?

– Не знаю!

– А чего ты на меня орешь?

– А ты глупых вопросов не задавай, тогда и орать не буду!

Плотник презрительно хмыкнул, отвернулся и замолчал.

– Он у нас, кстати, папку свою на заднем сиденье забыл, – сообщил Даос. – Формальный повод, зачем мы к нему явились.

– Папку? – оживился Юрий Алексеевич.

Перегнувшись через спинку сиденья, он нашарил папку, заглянул в нее и с чувством глубочайшего разочарования уселся на место.

– Пустая.

– А ты что надеялся в ней найти? Порнографический журнальчик?

– Да нет, – Юрий Алексеевич ухмыльнулся, – может, документы какие или рукописи.

– Ага, рукописи! – рассмеялся Даос. – Тогда бы ты его ухлопал, а рукописи присвоил себе. Ты, наверное, затем и переметнулся к Гынде, чтобы карьеру себе литературную сделать.

– Очень остроумно! – огрызнулся Плотник.

– Не очень, – согласился Даос. – Приехали!

Он остановил машину в нескольких метрах от подъезда.

– А чего не на самое крыльцо заехал?

– А это я тебе намекаю, как будет нужно себя вести.

– Пф-ф... – скривился Юрий Алексеевич. – Тачка-то на меня, что ли, зарегистрирована?

– Выйдут на меня, – ехидно скалясь, пообещал Даос, – выйдут и на тебя. Усек?

– Так вот ты какая гнида, значит?

– Не-е, не такая. Хуже!

Они вылезли из машины и, прихватив с собой папку Барского, направились к подъезду. Двор был пуст. Асфальт после дождя уже успел высохнуть, листва на деревьях светилась неестественно чистым изумрудным цветом. «И вправду, будто во сне, – подумалось Даосу. Он машинально взглянул на свои руки. – Нет, не во сне! Находишься я в сновидении, я бы сейчас развернулся, сел в машину и поехал к Гынде в офис, чтобы пристрелить эту сволочь в его собственном кабинете. Или даже не поехал бы, а оказался там усилием воли. Чего зря тратить бензин?..»

Юрий Алексеевич шел молча, воздерживаясь от своих обычных шуточек. На Барского ему было наплевать, и странное поведение Даоса он расценивал как очередную его причуду. Все-таки не первый день работают вместе, успел уже к его выкидонам привыкнуть. Просто слегка потряхивало и раскалывалась голова, просто настроение стало вдруг каким-то хреновым, а желание вмазаться разгоралось с новой силой. Просто... «Нет уж! – твердо сказал он сам себе. – Решил завязывать, значит, надо завязывать! Переломаюсь как-нибудь, не сдохну. Все-таки не такой уж я законченный нарик. *Не Макс какой, не Рентон Уэлш*⁴¹...»

⁴¹ ...не Макс какой, не Рентон Уэлш... – Юрий Алексеевич шутит. Рентон – один из главных героев романа Ирвина Уэлша «На игле» («Trainspotting»). Героинный наркоман. **ИРВИН УЭЛШ (Irvine Welsh):** «...пожалуй, едва ли не единственный

современный писатель, к которому применимы лишь два определения – "КУЛЬТОВЫЙ" и "ЗНАКОВЫЙ". КУЛЬТОВЫЙ – потому что сумел – что называется, играючи, – обратить свою прозу в своеобразный культурный – точнее, субкультурный, или контркультурный памятник. ЗНАКОВЫЙ – потому что каждое из его произведений так или иначе становится знаком, символом, вехой на литературном пути "поколения техно". Устами героев Уэлиа, с их диким слэнговым "новоязом" и острым, отчаянным ощущением "выломленности из жизни", попросту говорит с читателем само наше время – наш издерганный "век, вывихнувший сустав"...» (Издательство «АСТ», 2003 г.)

Syzygia – 2

Снежок

*В холодных небесах
Вишневым цветом притворился
Порхающий снежок...*

Сэй- Сёнагон

Странные вещи...
Странные события...
Странные поступки...
Странные ощущения...

Странные или глупые? С одной стороны – моя глупость, а с другой – рука Провидения... Не знаю, не понимаю... А отчасти, наверное, и не хочу ни знать, ни понимать... Отдаюсь на волю событий-волн и просто скольжу по течению. А куда это течение вынесет – не знаю. Не имею ни малейшего представления... Все, что казалось ясным и правильным, теперь видится банальным. Истина ускользает, словно червяк. Да и есть ли она вообще, эта гребаная Истина, а если есть, то нужна ли мне?..

Он отвернулся от окна, неслышно, но от этого не менее решительно спустился на один лестничный пролет и снова принялся терзать кнопку звонка. Если в квартире действительно никого нет, это не имеет никакого значения. Все известные ему точки он уже обошел. Везде было пусто. А следовательно, отправится ли он сейчас домой или же будет стоять в темном вонючем подъезде и трезвонить до шести утра, не имеет никакого значения. Как говаривал классик: «Перед лицом вечности все едино!» «Думаю, перед ейной задницей – тоже. Да-а, вечность – это не пустой звук. Вечность, это когда вот так вот стоишь, весь на затраве, податься тебе больше некуда, а... А податься один хрен некуда!»

Юрий Алексеевич, оставив кнопку в покое, опустил на корточки и, привалившись к стене, прислушался. В квартире явно кто-то присутствовал. Тихонечко развернувшись к двери лицом, а ко всему остальному миру – задом, он припал правым глазом к замочной скважине. Ничего не высмотрел, но как будто чего-то услышал. Не меняя позы, три раза отрывисто стукнул.

– Макс, – зашипел он, облизывая грязный замок. – Макс, открывай. Это я...

Никаких признаков жизни.

«Ну и хер с ним, – подумал он с ненавистью. – Не хочет открывать, не надо. Все равно я отсюда никуда не уйду». Сию же минуту за дверью послышался явственный шорох и хорошо знакомый голос негромко осведомился:

– Кто «я»?

(...Йа-а?!.)

– Я, я! Плотник! – Юрий Алексеевич молниеносным движением распрямился, всем телом налегая на дверь. – Плотник, говорю. Плотник! Открывай скорее, не томи душу.

Некоторое время в квартире еще колебались, затем щелкнул замок и дверь приоткрылась. Не дожидаясь приглашения, Юрий Алексеевич ввалился внутрь.

– Чего тебе? – неприязненно спросил Макс.

– Бабу, да пожирнее! – огрызнулся Плотник. – Ты чего сразу не открыл? Целый час в подъезде мурзил, как пидора какого...

– Нету ничего. – Макс развел руками. – Голяк на базе.

– Когда привезут?
– Не знаю, – довольно равнодушно, – может, утром. А может, ближе к обеду.
– Нет, нет, нет, – горячо запротестовал Юрий Алексеевич, – так дело не пойдет. Надо сейчас. Срочно!
– Да говорят тебе, нету! – Макс начинал выходить из себя. – Откуда я возьму, если **нету**?!
– Может, знаешь кого? Давай сбегает по-быстрому.
– Не могу! – довольно жестко отрезал Макс. – Занят.
– Пару соток мне, сотку тебе, – сразу же раскрыл карты Плотник. – Собирайся скорее. Препираться у него не было ни сил, ни желания.
– Ну-у...
– Ладно, не ломайся, – перебил он. – Быстрее сбегает, быстрее обратно вернешься. Видишь, кумарит.

– Н-ну, ладно. – При таком раскладе ломаться Макс и не собирался. – Здесь погоди, я сейчас.

«Еще бы он начал ломаться, – подумал Юрий Алексеевич, довольно потирая руки. – Самому небось не сладко. А от халявной сотки кто откажется? Лично я таких птеродактилей не знаю». Он присел на корточки. Тело, окрыленное неожиданно возникшей надеждой, охватила легкая дрожь. «Сейчас, сейчас, сейчас, – приговаривал Юрий Алексеевич. – Сейчас найдем чего-нибудь...» Не в силах сидеть на одном месте, он встал и направился на кухню (куда, как ему показалось, слинял Макс). Тело требовало движения, **тело пребывало на затраве и желало вмазаться**. А с телом в такой ситуации разве поспоришь? Конечно нет. Тело в таких ситуациях всегда право. Тело знает, что ему надо, тело знает, куда ему надо, тело знает, как и где ему надо... И сколько при этом. А раз знает, не надо ему мешать.

Выскочив из темного коридора на освещенную кухню, Юрий Алексеевич на мгновение растерялся. Никакого Макса на кухне не было. Зато в наличии имелись две герлицы, расположившиеся на разостланном у батареи полосатом матрасе. Первой, невысокой, но хорошо сложенной, на вид было около двадцати. Второй, длинноволосой брюнетке в черных джинсах и белой блузке, далеко за двадцать. На вид, потому что в подобных местах малолетки могут выглядеть вполне зрелыми женщинами, а зрелые женщины... Впрочем, это неважно. Герлицы курили вонючий «Беломор», стряхивая пепел в стоявшую перед ними на полу кофейную чашечку.

– Привет! – Юрий Алексеевич осмотрелся и, не найдя ни табуретки, ни стула, опустился прямо на пол. – Как дела?

– Нормально, – ни капельки не удивившись, ответила та, что казалась моложе. – Сигаретки человеческой не найдется? А то надоело эту гадость смолить.

Она затушила окурок в чашечке, недовольно передернув при этом плечиками. Порывшись по карманам, Юрий Алексеевич отыскал пачку «Салема», протянул девушке.

– Благодарю, – ответила та, выцарапывая из пачки сразу две сигареты, себе и подружке.

– Макс где? – спросил Юрий Алексеевич.

Девчонки синхронно пожали плечами.

– А разве не он тебе открыл? – удивилась длинноволосая.

– Он, – кивнул Юрий Алексеевич, – я так думаю...

– Чего тогда спрашиваешь? Раз открыл, значит, здесь где-нибудь. Куда ему деться?

– Резонно, – согласился Плотник.

Подумал и добавил:

– А чего это вы тут сидите такие пришибленные?

Спросил так, без всякого умысла. Просто, чтобы не молчать.

– Слушай, братишка, – ухватила за его реплику первая, – у тебя ничего с собой нету?

Ну, может, полсоточки или четверть?

В глазах ее сверкнул алчный огонек.

– Света, перестань, – повернулась к подруге черноволосая. – Не видишь, мужик сам мается. Чего ты ко всем лезешь?

– Нет, девчонки, пусто, – покаялся Юрий Алексеевич с тоской в голосе. – Сейчас с Максом сбегает, может, чего и надыбаем. Потерпите чуток.

Маленькая капризно скривила губки и отвернулась.

Юрий Алексеевич понимающе хмыкнул. «Кумарит девок ничуть не меньше моего. Это хорошо. Это очень хорошо! Раз так, значит, и Макса кумарит, значит, не зря я под дверь торчал. Когда Макса кумарит, он откуда хочешь "говна" достанет. Весь город перевернет, всех на уши поставит, а "говно" найдет. На то он и Макс...» Тело его снова забил озноб.

Он рывком поднялся с пола, подошел к раковине и открыл кран. Пропитанная хлоркой вода показалась ему прохладным «Нарзаном». В сознание вдруг вклинился неизвестно почему появившийся образ. Такая же точно кухня, такой же матрас на полу. Рядом с матрасом – настольная лампа без абажура, а в дальнем углу – гора пустых бутылок. Черт его знает, откуда этот образ возник. Может, это был отголосок буйной юности, а может, воспоминание и не столь отдаленное. В любом случае от него веяло теплом и уютом.

Юрий Алексеевич напился и вернулся на место.

– Сильно колбасит? – поинтересовалась длинноволосая.

В ее вопросе не было ни сочувствия, ни интереса. Что-то третье.

– Не очень, – соврал Юрий Алексеевич.

– А ты потом возвращайся сюда, – предложила девушка, тихонько пихнув продолжавшую дуться подружку. – Если, конечно, чего найдете. Макс один, а нас, как видишь, двое...

Она заговорщицки подмигнула.

– Не исключено, – ответил (...но маловероятно...) Плотник. – Вы только сами смотрите не потеряйтесь. А то я приду, а вас не будет. Не с Максом же мне тогда на этом матрасе куваться.

Девчонки захихикали.

– А что, – вставила маленькая, – Макс у нас очень даже ничего.

– Не спорю, – вздохнул Юрий Алексеевич, – только вряд ли у нас с ним что-нибудь получится.

Перед глазами снова встала картинка. Ночь, лавочка, пустынный двор. Вокруг ни души. Снег. Жирные влажные хлопья медленно опускались из мутной выси, производя при этом едва заметный, но все же отчетливо воспринимаемый звук. Что-то среднее между шипением и шуршанием. В доме напротив горело окно, и свет длинной желтой полосой ложился на заснеженный тротуар. Откуда-то (может, из этого окна, а может, и нет), доносились звуки музыки. Вторая соната Шопена. Все это – и музыка, и черные деревья, и снег было пропитано какой-то неведомой тоской. Тоской по чему-то далекому и невозвратимому. Чему-то хорошему...

«Вот черт! – Юрий Алексеевич мотнул головой, и видение исчезло. – Опять начинается. Что-то сегодня кумар какой-то не в меру лютый. Давненько такого не было». Он потер пальцами виски, затем достал пачку и закурил. Девушки тут же потребовали у него еще по одной сигарете. Пришлось выдать, хотя у самого оставалось хрен да маленько.

– И давно ты? – поинтересовалась длинноволосая.

– Что давно? – не понял Юрий Алексеевич.

– Ну, давно на снежок подсел?⁵

⁵ ...давно на снежок подсел?.. – очевидно, речь идет о героине. **Героин**: – «...производное морфина, белый кристаллический порошок горького вкуса. Применяется как болеутоляющее, при кашле». (Энциклопедический словарь, М., 1953 г.) Из выступления А. Тагеса, (Тагес цитирует фрагмент из Jacques Brosse «La Magie Des Plantes», Albin Michel, Paris, 1990): «...В 1803 году французскому химику Дерсону действием щелочи на опий удалось выделить новый алкалоид, который из-за своих специфических свойств впоследствии получает название "морфий" (по имени греческого бога сновидений Морфея).

От неожиданности у него закружилась голова. Потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что между его видением и тем, о чем говорила девушка, не было никакой связи. «Вот, блин, басня! – подумал он, переводя дыхание. – Нервишки пошаливают. Шаля-ат нервишки...»

– Не очень. И почему сразу «подсел»? Я что, похож на наркомана?

– А я что, не похожа на Мону Лизу? – с вызовом спросила длинноволосая.

– Нет, – ответил Юрий Алексеевич, – не похожа.

В душе закипало раздражение. Свет в кухне начал казаться липким и желтым. Словно из-под потолка струился непрерывающийся ливень, состоявший из тысячи маслянистых желтых капелек. Раздражение клокотало и пенилось, перерастая в тотальную, всеобъемлющую ненависть. Ну где это сраный Макс ползает? Сколько можно вошкаться! Передел штаны, накиннул рубаху, и делов-то. Ушел, словно под лед!..

Юрий Алексеевич взглянул на часы. Двенадцать минут третьего. Ну вот, дотянули. Куда сейчас? Ксюха банчит до часу. После часа не откроет, хоть ты тресни. Та еще стервь... К дяде Мише после двух тоже не сунешься. Мигом рога пообшибает. У Надюхи... Тут он осознал, что перебирает в уме те точки, по которым сегодня совершил уже не один рейд. Везде было пусто. Раздавив окурочек в чашке, Плотник вздохнул. Волна раздражения как будто отхлынула. Мир снова приобретал присущую ему упорядоченность.

Одна из девиц, та, что помладше, встала и вышла в коридор, обдав при этом Юрия Алексеевича запахом синтетической лаванды. «Симпатная птаха, – хмыкнул он про себя. – Вот только дизайн у нее как-то... не очень. Ее бы к хорошему парикмахеру сводить да в порядочное ателье...»

– Света, – крикнула ей вдогонку длинноволосая, – мне тоже захвати парочку. Ладно?

Ответа не последовало. Но, судя по поведению длинноволосой, его и не требовалось.

– Звать-то тебя как? – обратилась она к Юрию Алексеевичу. – Ну, имя у тебя есть?

– Плотник, – ответил он.

– Почему Плотник? – удивилась девушка.

– Псевдоним у меня такой был, в журналистскую бытность.

– Так ты журналист?! – То ли с восхищением, то ли издеваясь, воскликнула длинноволосая. – Круто! А фамилия твоя?.. Ну... я имею в виду настоящая. Если не секрет.

– Не секрет. Фамилия пролетарская. Шилов.

– Шлыков?

– Шилов. Слушаешь чем?

– Только не надо грубить, – обиделась девушка и тут же с достоинством добавила: – Я Аня.

– Очень приятно, – с кислым видом ответил Юрий Алексеевич.

Бессмысленное сидение на кухне начинало его тяготить. Тело требовало движения, тело жаждало приключений.

– Ладно, – продолжила допрос длинноволосая Аня, – раньше ты кропал статейки. А сейчас чем занимаешься?

Как затем стало известно, частое употребления морфия вызывает болезненное пристрастие к препарату. В последние годы XIX века морфинизм получает на Западе широкое распространение. Именно в это время химикам удалось синтезировать дериват морфия, медицинские свойства которого были еще более сильными. Данное вещество назвали "героином" (очевидно, в виду имелось очень активное – героическое – действие наркотика). Далее было обнаружено, что предлагаемый морфинистам героин избавлял их от порочного пристрастия к морфию. Однако момент триумфа оказался кратковременным. Все, чего удалось достигнуть, сводилось к замене одной формы наркомании другой, гораздо более тяжелой... Героин, и в этом самая очевидная причина успеха его опустошительного воздействия, очень хорошо соответствует скрытым, но непреодолимым, завуалированным внешним оформлением потребностям индивида, рожденного нашим обществом: беспредельная алчность, любовь к сильным ощущениям, неустрашимая и в конечном счете удовлетворяемая жажда уничтожения...» (г. Санс, бар «Бульдог». 13 августа 1993 г.)

– Делами, – вяло пробормотал Юрий Алексеевич, – серьезными делами. За которые огребаю нехилые бабки.

Зачем он буровил весь это вздор, он и сам толком не знал. Наверное, просто чтобы не молчать. Молчаливого сидения на чужой кухне его тело просто не вынесло бы. Вернулась Светлана, неся в кулачке горсть папирос. Она положила курево на подоконник и под села к подруге. Девушки закурили.

– Не много ли смолите? – поинтересовался Плотник.

– А тебе-то что? – неприязненно ответила маленькая.

– Да ничего. Пожелтеете просто раньше времени.

При слове «пожелтеете» кухня снова наполнилась неприятным маслянистым свечением.

– Тебе-то что! – повторила Светлана, но уже с утвердительной ноткой.

(...через плечо!..)

– Ничего, – вздохнул Плотник.

По спине пробежал холодок. По коже разлился неприятный зуд, ладони вспотели. «Опять начинается, – подумал он с ужасом. – Да где же этот гад шляется? Чего он там делает, дробит, что ли?!»

– Пошли. – На пороге стоял Макс. – Дозвониться я ни до кого не дозвонился, попробуем так. Только сразу предупреждаю, гарантировать я ничего не гарантирую. Сейчас не день.

– Пошли! – вскочил Плотник.

Повторять ему дважды не было необходимости.

После душевной квартиры улица показалась именно тем местом, куда души праведников попадают после смерти. На некоторое время Юрий Алексеевич даже забыл о том, что ему нужно куда-то бежать. (Сраженное свежестью ночи, об этом, похоже, забыло и его «затравленное» тело.) Пока Макс размышлял, в какую сторону им будет лучше всего двинуть, Плотник стоял на широких ступенях подъезда, с остервенением втягивая в себя дурманящий весенний воздух, и то таращился в усыпанное звездами небо, то переводил взгляд на шелестящие листов гигантские тополя.

«Я люблю Тебя, Господи! – мысленно повторял он, замуриваясь от удовольствия. – То, что Ты создал, грандиозно и непостижимо. И то, как вид Твоего творения может отражаться в человеческой душе, еще более грандиозно и еще сильнее окутано тайной. Я преклоняюсь перед Тобой, я несказанно благодарен Тебе за одно то, что Ты подарил мне жизнь. Только ради этого момента, ради вида этих тополей и этого неба уже стоило жить и стоило страдать. Я люблю Тебя!.. Я!..» На этом его внутренний монолог оборвался, так как душа поднялась до уровней, где нет ни мысли, ни слов, ни чувств в их обыденном, земном понимании. Есть лишь всеобъемлющий восторг, есть радость единения со всем сущим...

– Айда, заглянем сначала к Сивухе.

Воспарившая было душа Юрия Алексеевича вернулась обратно в тело, подобно молнии, рассекающей толстый древесный ствол до самого основания.

– У Сивухи если и нет ничего, – продолжал рассуждать Макс, – он, по крайней мере, подскажет, к кому можно обратиться.

Юрий Алексеевич поморщился:

– Бабок у тебя сколько?

– Не бойсь, на три сотки хватит, – ответил Плотник.

Он посмотрел на Макса с сожалением и жалостью.

– Далеко до этой твоей Сивухи?

– До этого, – поправил Макс.

– Ну, до этого. Далеко?

– Нет. – Макс уверенно шагнул в темноту. – Решение принято, цель обозначена. Теперь главное двигаться.

Тело Юрия Алексеевича, повинаясь призыву двигаться, устремилось за Максом. Они обогнули дом, пересекли соседний дворик и выскочили на проспект. Макс шел уверенно. В данную минуту для него действительно не было ничего более важного, чем принятое решение и обозначенная цель. Для тела Юрия Алексеевича тоже, а вот для его души... Душа его, похоже, вернулась не полностью.

«Интересно, – размышлял он, – мешает ли счастливому течению жизни склонность к "излишним мудрствованиям", как это утверждают некоторые, или же, наоборот, мышление и есть счастье?.. Хм, отрицательно сказывается лишь так называемое бытовое, **конкретное** мышление. **Абстрактное** же, напротив, оказывает самое позитивное воздействие на человека. Почему? Да потому, что первое сопряжено с переживанием отрицательных эмоций, ибо излишне акцентирует внимание на личных проблемах индивида, тогда как второе радует, ибо уводит от этих мелочных проблем к созерцанию величайших тайн мироздания... Хм, или... "свеча из жиров заменяла мне солнце"⁶?..»

Юрий Алексеевич вздохнул.

– Слушай, Макс, – обратился он к своему спутнику, деловито вышагивающему по темной стороне тротуара, – а ты о чем-нибудь, кроме «обозначенной цели», когда-нибудь думаешь? Ну так, хотя бы изредка.

– Чего? – Макс удивленно обернулся. – У тебя что, Плотник, совсем, что ли, мозги сводит?

– Да ты не впадай в обиженку. Я же просто спросил.

– О чем таком ты вообще жужжишь? Я как-то с трудом врубаюсь.

– Ну, не все же время ты под кайфом ходишь. Я слышал, ты работал на телевидении, потом в каком-то компьютерном салоне...

– Это было давно и не в вашем вонючем городе! – ответил Макс зло.

– Все равно! Значит, котелок-то у тебя варит. Значит, ты не какой-то там сторчавшийся дебил с восьмиклассным образованием.

– Знаешь что, Плотник, – ответил Макс, уже более миролюбиво, – ты, наверное, считаешь себя самым умным и важным. Каким-то неординарным явлением во Вселенной или даже гением. Ты случайно не гений?

Макс попытался изобразить живой интерес.

– Может, и гений, – ответил Юрий Алексеевич, с видом простачка пожимая плечами, – откуда я знаю?

Ссориться с Максом ему не хотелось.

– Был у меня один приятель, – многозначительно вытаращивая глаза, начал Макс, – который долгое время жил двойной жизнью. Такой своеобразный человек-загадка. Одни из его друзей и знакомых отзывались о нем как о серьезном, положительном во всех отношениях человеке. Другие считали его пьяницей и подлецом, готовым на самую гнусную пакость. И все это искренне!

– Ну и что? – спросил сбитый с толку Плотник.

⁶ ...«свеча из жиров заменяла мне солнце»... – строка из песни: Я жил, окруженный коробкой из бревен, И мерил пространство шагами спокойно. Иль просто лежал в состоянии сонном, Изрядно приближенном к анабиозу. Был чужд моему микроклимату ветер, Свеча из жиров заменяла мне солнце, При свете которой чертил на полу я Ущербные образы гаснущих мыслей. Я так бы и стигнул, пропал бы безвестно, Во мху и пыли растворился б однажды, Но кто-то готовил судьбу мне иную, Негаданно вдруг ниспослав озаренье. Сквозь толстые стены я видел деревья, Бредущие мерно куда-то налево, Они опирались о землю корнями, Без прочих усилий держась вертикально. Знамение это, решил я лениво, Реальностей мира призывы к подъему. Тотчас ощутил безотчетную силу И жажду великих деяний почуял. И дрогнули стены, посыпалась известь, Жилище мое развалилось со стоном... И, взявши большую лопату под мышку, Я вдаль устремился по сопкам зеленым. (НОМ, альбом «Супердиск». 1992 г., песня «Верлибры».) Что Юрий Алексеевич подразумевал, вклинив данную фразу в контекст своей мысленной конструкции, никому, кроме него самого, не известно.

– Понимаешь, свою двойную жизнь он вел сознательно. Целенаправленно вырабатывал для себя два диаметрально противоположных имиджа. Из него мог бы получиться идеальный актер! Когда он возвращался с какой-нибудь выставки или презентации, то снимал дорогой костюм, напяливал на себя грязные обноски и спешил в расположенную за углом пивнушку. Причем только вообрази, какими осторожностью и ловкостью надо обладать, чтобы не попасться в этих лохмотьях на глаза тем, кто часом раньше видел его в смокинге. И наоборот.

– И зачем же ему это было нужно? – осторожно поинтересовался Юрий Алексеевич.

– Не знаю, – пожал плечами Макс. – Лично мне он сказал, что занимается сталкингом. Только это чушь. Я отлично знаю его и прекрасно врубаюсь в то, что такое сталкинг. Он говорил неправду.

Юрий Алексеевич промолчал.

– Нельзя относиться к людям так, как относишься ты, – изрек Макс после продолжительной паузы.

– И как же я к ним отношусь?

– Херово относишься, свысока. Говоря коротко, ты считаешь, что все остальные стоят на одну или даже несколько ступенек ниже тебя. Все вокруг в говне, а ты – в белом фраке. Взять хоть девчонок, с которыми ты базарил у меня на кухне, пока я висел на телефоне.

– И что же это за девчонки такие особенные? – ядовито прошипел Юрий Алексеевич. – Одна Антонина Нежданова, а вторая Софья Ковалевская, что ли? Или, может быть...

– Ты напрасно иронизируешь, – спокойно ответил Макс. – В Глахов они приехали не так давно, поэтому и тусуются у меня. Между прочим, обе окончили институт, и думаю, в скором времени все у них наладится.

– Так что же они, такие хорошие, ведут себя как последние бляди, да еще и торчат (... *снежок*...) на этом дерьме?!

Юрий Алексеевич расхохотался все больше и больше.

– Так, – усмехнулся Макс, – судьба обожает подобные шутки. У Светки безответная любовь, а Анька... Анька еще та штучка.

– Может быть, – хмуро ответил Юрий Алексеевич.

Раздражение его неожиданно пропало. В том, о чем говорил Макс, была и доля истины. Он действительно смотрел на других свысока. Большинство людей, с которыми он общался, бесили его своей тупостью и... как бы это сказать? Приземленностью, что ли? Отсутствием стремления к чему-то высшему, к каким-то духовным идеалам. У всех на первый план выходило одно: карьера, деньги, погоня за удовольствиями и комфортом. Ну разве может все это не раздражать? Разве можно филистеров и обывателей ставить в один ряд с художниками, поэтами, философами? Хотя если разобраться... «А сам-то я многим ли лучше? – подумал он. – Такой же обыватель, такой же слугитель Мамоны. Да еще и торчок в придачу».

– Скажи, Макс, тебе не кажется странным, что вот мы, два, по сути дела, законченных наркомана, прущихся посреди ночи через весь город за дозой, рассуждаем о каких-то высших материях? О чем-то таком, о чем рассуждали, скажем, Платонов или Достоевский?.. Какой-то бардак получается. Спорим о том, существуют добрые и злые люди или же каждый из них хорош по-своему. Пытаемся понять, все ли равны перед Богом или один человек имеет превосходство над другим... А через час вмажемся, и на все это нам станет глубоко наплевать. Как-то не вяжется одно с другим.

– Почему не вяжется? В жизни все взаимосвязано. Особенно у нас, – добавил он, щерясь. – Я вот еще когда учился в универе, переводил один английский топик. Там какой-то мужик, иностранец, путешествует по России. Едет он, значит, на паровозе и все описывает. Какая у нас природа, как у нас пьют... Все это, конечно, чушь, но был там один интересный момент. Этот любознательный дядька с искренним недоумением рассказывает о религиозной беседе, которая состоялась у него в поезде с **атеистом** и **диск-жокеем**. Понимаешь, для

него это полный абсурд, нонсенс, русская экзотика, наконец! А вот для нас в этом нет ничего необычного. Ну атеист, ну диджей. Что с того? Разве они не люди? Разве они не могут порассуждать о религии?! – Он ухмыльнулся. – В России духовное и земное, низменное и возвышенное присутствуют в каждом человеке без исключения. Эти противоположности настолько переплелись в любом из нас, что не будь чего-то одного, автоматически не станет и другого. Мы просто растворимся, перейдем в небытие. И потому о возвышенном у нас рассуждают все кому не лень. Чему же ты удивляешься? – Он помолчал, а затем добавил: – Впрочем, все это справедливо не только в отношении России. Тот англичанин из поезда – просто дурак. Вернее, дурак тот, кто составлял топик.

– По-моему, ты начинаешь смотреть на людей свысока, – пошутил Плотник.

– Ладно, – рассмеялся Макс, – пришли. Давай бабки и жди меня здесь. Поднимусь до Сивухи, и, если у него ничего нет, двинем дальше.

Юрий Алексеевич передал деньги, и Макс нырнул в подъезд. Железная дверь захлопнулась за ним с отвратительным металлическим лязгом. Оставшись один, Плотник присел на стоявшую у подъезда скамеечку, закурил сигаретку и пригорюнился. Как-то не так у него все сегодня получалось.

С Даосом опять чуть не разругались. Вмазываться поначалу вообще не хотел, зачем-то поплелся по точкам, а как обломался пару раз, так и подсел на затраву. Это, как обычно, если чего-то не можешь достать, появляется дикое желание раздобыть нужную вещь во что бы то ни стало. Тело, оно ведь тупое. Сгусток органики. Что с него взять, кроме анализов? И те плохие. Возжелало ширнуться, вот и носись теперь по всему городу, как угорелый. Он вздохнул, стряхнул с сигареты пепел и посмотрел на часы. Без двадцати четыре, однако. Вон уже и светает.

Из подвального окошка соседнего дома выползли две тени. Постояли, прижавшись к стенке, осмотрелись и пошуршали куда-то через дорогу. Когда они проходили мимо, то попали в световое пятно, отбрасываемое уличным фонарем, и Юрий Алексеевич заметил, что на скрюченных спинах у них лежало что-то тяжелое. «Интересно, интересно, – подумал он, – чего это ребятишки такое тащат? Сперли, наверное, чего-нибудь. Но почему вылезли из подвала? Что в вонючем подвале можно спереть?..» Прощмыгнув, ночные воришки растворились во тьме. Юрий Алексеевич вздохнул. «А может, и не сперли. – Он поплевал на окурки и бросил его под лавку. – Почему я должен думать о людях плохо?.. Макс прав, это натуральное свинство. Или даже не свинство, а отражение собственной ничтожности...»

Как всегда, стоило о нем только подумать, и Макс появлялся тут как тут. Клацнул дверной замок, раздраженно взвизгнули петли, и дверь подъезда отошла в сторону. Макс стоял перед Юрием Алексеевичем, возникнув, словно чертенок из табакерки. Выражение лица у него было довольно кислое.

– Ну как? – спросил Плотник, отлично понимая, что «никак».

– Никак, – ответил Макс. – И с героинном обломом, и с наводкой. Валяется, сволоочь, долбаный в драбадан. Ни бе ни ме.

– Что будем делать? – поинтересовался Юрий Алексеевич, с удивлением отмечая, что ему абсолютно до лампочки, есть у Макса какие-либо соображения или нету.

– Что делать, что делать... – проворчал Макс, почесывая подбородок. – Пошли дальше. Что еще нам остается делать?

– А может... – Юрий Алексеевич замялся. – Нет, раз уж начали дело, надо его закончить. Пошли!

Макс язвительно хмыкнул.

– Куда потопаем? – спросил Плотник.

– Туда. – Макс ткнул пальцем в направлении продуктового магазина, куда несколькими минутами раньше ушуршали загадочные личности с тяжелыми мешками на спинах. – Добежим до Базисной, там целых три точки. Может, хоть на одной чего-нибудь осталось.

Когда они проходили мимо магазина, Юрий Алексеевич заметил двоих парней, валявшихся на траве. «Те самые, – подумал он. – Притомились, бедненькие. Перли что-то на самом деле тяжелое. Ну и ладно. Мое какое дело?..» Он высморкался в траву, повернулся к Макс:

– Как думаешь, – Юрий Алексеевич запустил руку в задний карман брюк, – может, дунем слегонца, чтоб не так тяжело бегать было?

– Дунем? – Макс остановился. – А у тебя есть?

– Ну-у... на косячок натрясу. Вчера с Даосом раскуривались. Маленько осталось.

– Так что ж ты молчал? С этого и надо было начинать!

Они присели на лавочку. Юрий Алексеевич достал свернутую в пакетик бумажку, аккуратно развернул ее, стараясь не рассыпать содержимое.

– Давай, давай, давай, – забормотал Макс, забирая у него пакетик, – я сам. А то еще рассыплешь...

Не выпуская пакетика из левой руки, правой он достал из кармана рубахи папиросу, дунул в нее, выстреливая табачное содержимое и уцепившись зубами за кончик картонного мундштука, потянул бумажную гильзу к себе. Оторвал лишнее, затем придал папиросине нужную форму. На то, чтобы забить косяк, ему понадобилось не больше двух вдохов. Пустой пакетик полетел под лавку.

– Ну вот, – изрек Макс, закручивая папиросный кончик, – совсем другое дело.

– Ловко у тебя получается, – отозвался Плотник. – Прямо как пылесос.

– А то! – Макс щелкнул зажигалкой. – Опыт – сын ошибок трудных... Покури с мое, не так научишься.

Он глубоко затянулся и передал папиросу Юрию Алексеевичу. Трава была высший сорт. Он сам покупал ее еще во вторник, а уж в траве-то Юрий Алексеевич толк знал. По большому счету, из всей наркоты это было единственное, что его **еще чему-то учило**. Все остальное давно превратилось в болезненное, утратившее свой первоначальный смысл пристрастие.

Дым наполнял легкие, приятно обжигая горло. Тело тут же отозвалось бурей самых положительных переживаний. От горла к ногам, а затем по спине и к затылку пробежал легкий холодок. В мозгу что-то зашевелилось. Серый в предрассветных сумерках, кустарник напротив начал восприниматься пульсирующими вспышками. Неожиданный подарок перед настоящей дозой тело восприняло если и не с радостью, то весьма благосклонно. Трава была то что надо!

Юрий Алексеевич, передав папиросу Макс, некоторое время удерживал дым внутри себя, а затем потихоньку, тоненькой струйкой выпустил его наружу. Не успевшие внедриться в кровь канабиоловые молекулы растворились в весеннем воздухе. «Пускай и природа оттянется, – подумал он с благоговением. – У нее берем, ей и вернуть должны...»

– Да-а-а... – протянул Макс, – воистину понтовая дурь.

Они добились косяка, встали и продолжили движение к цели. Теперь это движение воспринималось совершенно иначе. Не было прежней озабоченности, не было (...*снежок*...) фанатической одержимости «достать и вмазаться». Они **просто шли** к цели, шли навстречу рассвету, а увенчается их миссия успехом или нет, стало не так существенно. Из чего-то внешнего и отстраненного окружающий мир превратился в нечто благостное, наделенное личностными качествами.

– Знал я одного человека, – заговорил Макс, – который попал в аварию и ослеп...

Его слова беспрепятственно доходили до сознания Юрия Алексеевича, но в самом сознании обретали какой-то иной, не присущий им изначально оттенок.

– Так вот, поначалу случившееся напрочь выбило его из колеи. Обычный жизненный уклад, работа, все то, чем и ради чего он жил, все пошло прахом. Он уже совсем было отчаялся, запил, но неожиданно понял, что нет на свете такого зла, которое нельзя обратить себе во благо. Так устроена жизнь. Любая неприятность обязательно несет в себе крупицу чего-то

положительного. Казалось бы, что может быть положительного в том, что человек ослеп? А вот поди ж ты!

Макс выдержал эффектную паузу. Подразумевалось, что Юрий Алексеевич должен задать вопрос, но, поскольку вопроса не последовало, Макс продолжил:

– Еще до аварии этот мужик увлекался оккультизмом. Эзотерика, магия... всё такое. Знал массу интереснейших практик, до приведения которых в жизнь все как-то не доходили руки. И вот теперь момент настал. Он начал интенсивно заниматься и уже через два с половиной года настолько развил свои эфирное и астральное тела, что мог **видеть**, не прибегая к помощи физического зрения. Только вообрази себе, слепец, который читает газеты и смотрит телевизор!

Макс рассмеялся, очевидно, ожидая со стороны слушателя какую-то бурную реакцию на свой рассказ.

– Слушай, – спокойно поинтересовался Плотник, – а много ты их еще знаешь?

– Кого «их»? – опешил Макс.

– Ну, всех этих необычных людей. Сталкеров с двойной личностью, слепых ясновидящих...

– Какая разница, – отмахнулся Макс. – Не хочешь верить, не надо. В конце концов, совсем неважно, рассказываю я правду или сочиняю...

– Притчи, – язвительно вставил Плотник.

– Или сочиняю занимательные истории. Все это могло происходить в действительности, а значит, правда. Главное, чтобы собеседник понял, что именно я ему хотел сказать.

– Я понял, понял, – успокоил его Юрий Алексеевич, – ты не переживай. Все нормально.

– А я и не переживаю, – вздохнул Макс. И, подумав, добавил: – Может быть, я и есть тот самый слепой мужик. Откуда ты знаешь?..

* * *

На Базисной их снова ждало разочарование. Две из трех точек были пустыми, а третья и того хуже – закрылась. Банчившую там вот уже почти три месяца тетю Нину взяли-таки наконец за жабры.

– А у нее бы точно что-нибудь было, – сокрушался Макс. – Не героин, так хоть «винтом» подмогла бы.

– Да на хрен мне твой «винт», – обозлился Плотник, – даром этой параша не надо!

– Дурачок, «винт» это самое то! – промурлыкал Макс. – Героин затупляет, а с «винта» так начинает переть, что о-го-го!.. – Он выразительно потряс в воздухе кулаком. – Я, если хочешь знать, благодаря «винту» обрел такую ясность, которую никакая другая шняга в жизни не даст! Можешь мне верить, я в этом бизнесе давно кручусь.

– Что ты мне впариваешь?! – взвился Плотник. – Я на «винте» почти полгода торчал. Под конец нормальный дозняк за полтора кубика перевалил, понял?!

– А вот это зря. С «винтиком» нужно ласково, больше кубика ни-ни. Поднимешь планку, назад уже не вернешься. А будешь ставиться полторашкой или двушкой, вообще долго не протянешь. Эх ты, дурында. Всему вас учить надо.

– Не в этом дело, – отмахнулся Юрий Алексеевич.

Он вытряс из пачки последнюю сигарету, поморщился и, скомкав пустую пачку, швырнул ее на асфальт.

– А в чем? – наезжал на него Макс. – В чем, если не в этом?!

– Заряд кончился, – ответил Плотник, делая глубокие затяжки, – исчерпал себя «винт». Полностью исчерпал.

– Что значит исчерпал?

– А то и значит. Все, что было можно, он мне дал. Большему я у него научиться все равно не смог бы. Крепче подсел бы на эту заразу, угробил бы вконец здоровье, а научиться, так ничему бы новому и не научился. Ясно теперь?

Некоторое время Макс задумчиво молчал. Похоже, слова Плотника произвели на него определенный эффект. Он даже причмокнул губами и помотал башкой. Не ожидал, мол, от тебя такого, не ожидал.

– Сильно сказано, – признался он. – Если честно, то я думал, что круче меня в этой области никто не шарит.

– Ага, все в говне, а ты в белом фраке, – напомнил Юрий Алексеевич недавний разговор.

– Ладно, расслабься, – улыбнулся Макс. – Ты лучше скажи, что имел в виду под этим «научил».

Несколько секунд Юрий Алексеевич собирался с мыслями, решая, говорить или не говорить.

– Лично меня «винт» научил безмолвию, – произнес он, решившись. – Я научился оставаться спокойным в любой ситуации, что бы ни происходило. Однажды я застрял в аэропорту. Был туман, и вылет задерживали. Сначала на час. Потом еще на час. Потом на два часа... В общем, я проторчал в аэропорту трое суток. Трудно передать словами, что эти трое суток для меня значили. Я метался по павильону, я выскакивал на улицу, мною овладевала такая ярость, что, дай мне кто-нибудь повод и я наверняка мог бы убить человека. Больше всего в сложившейся ситуации раздражало собственное бессилие. Вылет откладывали снова и снова, как долго это продлится – никто не знал, но самое досадное, **я ничего не мог с этим поделать!**

Он глубоко затянулся и щелчком выстрелил окурочек в сторону.

– А какое отношение... – начал было Макс.

– погоди! – остановил его Плотник. – Если в подобной ситуации я окажусь снова, я просто сяду и буду спокойно ждать. Час, сутки, неделю... неважно! «Винт» научил меня терпению.

– И всё-о? – разочарованно протянул Макс.

– Конечно нет. Это так, одна вещь из множества, которым я у **него** научился. Сюда же можно отнести умение наблюдать и **видеть**. Замечать в вещах и явлениях то, чего раньше не замечал. Сюда же можно отнести умение преодолевать страх неизбежного. Но самое главное, **он** помог мне научиться останавливать поток мыслей. Это самое большое мое достижение. Теперь я могу выключать мысль по собственной воле. Раз!.. И непрестанно текущий в голове разговор с самим собой прекратился. Исчезает мысль, исчезают слова... Сознание становится чистым.

– Сильно! – чуть ли не с восхищением повторил Макс. – У меня отношения с «винтом» гораздо более тривиальные.

– Ну вот, – вздохнул Плотник, – а потом все кончилось. Все свои «винтовые» состояния я мог вызывать без пережитка. Нового ничего не происходило, а доза стала увеличиваться. Тогда я понял, что «винт» дал мне все что мог. Больше он меня не интересует. Хочешь вмазаться, могу спонсировать. А сам не буду.

– Так, так, так, – Макс пришел в какое-то экзальтированное состояние, – ну, а какие взаимоотношения у тебя с Травой?

Предложение Юрия Алексеевича о том, чтобы вмазаться «винтом», он пропустил мимо ушей.

– Трава учит меня расщеплять Мир на плоскости и линии, – сообщил Плотник. – Благодаря траве я открываю для себя множество «параллельных» миров. Помнишь, как в рассказе у Хлюпова?

Он наморщил лоб, вспоминая.

– «...Взять, к примеру, вот эту улицу. На первый взгляд, ничего особенного, улица как улица. Но это только на первый взгляд. Стоит присмотреться внимательно, и тогда начнешь

замечать, как... Грязный и унылый мир бродяг прекрасно сосуществует здесь, бок о бок с миром уличных торговцев или сверкающим миром "новых русских". Разочарование, боль, предательство могут невероятнейшим образом накладываться на радость, веселье или восторженное чувство первой любви. А мир глазами ребенка. А мир человека, открывшего для себя прелесть алкогольного опьянения, а мир профессионального киллера... И все это – одна и та же улица; одни и те же предметы; одно и то же пространство в одном и том же временном измерении!...» Я специально выучил этот кусок наизусть.

– Не читал, – признался Макс и добавил: – Хотя с Хлюповым был знаком лично.

Он захихикал.

– Что, серьезно? – оживился Юрий Алексеевич.

– Серьезно. Уж от чего, а от травки этот хмырь никогда не отказывался. Ладно, – Макс возбужденно почесал подбородок, – а что с героином? Чему **Он** тебя учит?

– Он? – переспросил Юрий Алексеевич. – Не знаю... Пока ничему.

– Как так? – удивился Макс.

– А вот так. Ну... может, когда засыпаешь на передозе, учишься контролировать встающие перед глазами картинки. Хотя...

– Это как с мака! – вернул Макс.

– В общем, ничему (...*снежок*...) этот гребаный героин не учит!

– А чего ж ты тогда торчишь-то?

– Вот бы знать, – ответил Плотник и досадливо сплюнул себе под ноги.

Когда совсем рассвело, они вернулись к дому Макса, сделав по городу довольно значительный крюк. Героина так и не достали. Похоже, в городе начинался мертвый сезон. Случается такое время от времени. То ли поставка порошка задерживается, то ли еще что, но белого «говна» в эти периоды могут достать только избранные. И пока не начнется оживление, простому смертному лучше не рыпаться. Хочешь, на маке перекантовывайся, а не хочешь – переламывайся на димедроле или «релашке». Лучшего тебе, один хрен, не светит.

«Впрочем, – подумал Юрий Алексеевич, – может быть, наш сегодняшний облом ничего такого еще и не значит. Ну не достали, ну обломались, что с того? Ночью достать вообще дело сложное. Вот если и завтра (вернее, уже сегодня) нигде ничего не будет, тогда да. Тогда, как говорится, тушите свет...»

Тело отреагировало на подобный прогноз весьма болезненно. По спине снова пробежал холодок, а на лбу выступили капельки пота. Во рту пересохло, и на душе от всего этого стало так тоскливо, что... Ну, словом, тоскливее некуда.

– Что, – участливо поинтересовался Макс, – мандражит?

Они сидели на бетонных ступенях Максова подъезда. Юрий Алексеевич повернулся к нему, чтобы ответить на издевательскую реплику, но с удивлением обнаружил, что Макс и не думает издеваться. Глаза его излучали неподдельное сочувствие.

– Мандражит не то слово, – отозвался Плотник. – Что-то совсем я в последнее время расклеился. Никогда такого раньше не было.

– Все когда-то происходит впервые.

– Да пошел ты! – вспыхнул было Плотник, но сделал над собой усилие и спокойно добавил: – Ладно, давай прощаться.

Он поднялся на ноги.

– Извини, что зря оторвал тебя от твоих девочек на целую ночь. Думал, у нас что-нибудь выгорит.

– Постой, – сказал Макс, не обращая внимания на протянутую ему руку, – присядь еще на пару минут. Все равно тебе теперь спешить некуда.

Юрий Алексеевич равнодушно опустил на место.

– Что еще? – пробормотал он, позевывая.

– У тебя баян с собой?

– Баян?! – подскочил Плотник. – С собой, а что?

Озноб и апатия слетели с него, как железная крышечка с бутылки «кока-колы». Тело, почувствовавшее, куда дует ветер, но еще окончательно не поверившее в такую удачу, затрепетало в припадке вожаденного ожидания.

– Целых три, – ответил Плотник, судорожно выковыривая из кармана шприцы в шуршащих целлофановых упаковках, – двушки. Иглы импортные. Острые и не забиваются. У меня дома таких целая сумка лежит. Специально запасаю, как попробовал. А в аптеках сейчас...

– Да помолчи ты! – рыкнул Макс, останавливая льющийся на него поток словесного поноса. – Есть у меня одна соточка. Берег на черный день, но...

Юрий Алексеевич слушал его, затаив дыхание.

– В общем, сиди здесь. Я сейчас до хаты поднимусь, а заодно и воды вынесу.

– А-а... ставиться-то на улице, что ли, будем?

– У меня сейчас Анька со Светкой! – раздраженно напомнил Макс. – Обидятся девчонки, чего их зря затравливать.

– Ладно, ладно. Понял. Только давай скорее.

– Скорее... – передразнил Макс, удаляясь в полумрак подъезда. – Что бы ты вообще без меня делал?

– Пропал бы, – искренне признался Плотник.

«Ну Макс, ну сукин сын! – подумал он, когда остался один. – Это ж надо, всю ночь на затраве бегали, а у него, оказывается, целая сотка лежала. Вот засранец. Вот уж воистину засранец!» Тело его охватила дрожь. Тело пришло в такое возбуждение, что Юрий Алексеевич даже испугался. Сколько раз он переживал подобное возбуждение, когда после долгих поисков находишь наконец то, что надо, но никогда это возбуждение не овладевало им с такой силой.

– Черт! – вслух выругался он, тщетно силясь унять ненавистную дрожь.

– А при чем здесь нечистый? – раздался за его спиной голос.

Макс присел на ступеньку рядом с Плотником, словно фокусник, извлек из воздуха маленький бумажный квадратик и, поставив пенициллинку с водой на бетон у своих ног, приказал:

– Давай телеги.

– Ты что, – удивился Юрий Алексеевич, – **прямо здесь** собрался?!. Может, хотя бы в сторонку отойдем?

– Да кому ты тут, на хрен, нужен, в пять-то утра? – спокойно отозвался Макс. – Давай, давай. Не тани резину.

Юрий Алексеевич передал шприцы, дико озираясь при этом по сторонам.

– Не верти башкой, – проворчал Макс, выколупывая машинку из целлофана. – Все уже **к нам** настолько привыкли, что всем **на нас** давно насрать... Тем более в пять утра...

Он выдернул из шприца поршень, зажал его в зубах и осторожно засыпал в машинку белый кристаллический порошок. Долго стряхивал с бумаги микроскопические пылинки, затем вогнал поршень на место, облизал бумажку и только после этого бросил ее на землю. Макс, держа шприц на уровне глаз, пощелкал по нему пальцем, после чего аккуратно поднял стоявшую у его ног склянку и, сняв с иглы пластмассовый колпачок (опять же зубами), набрал в шприц два миллилитра воды. Надел колпачок, снял иголку. Отдал ее Плотнику, а сам принялся что было сил трясти шприц, предварительно заткнув игольное отверстие большим пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.